

ГОЛОС ТРУДА

THE VOICE OF LABOR

Цена отдель-
ного номера 2 с.

Освобождение рабочих
должно быть делом
самых рабочих

В единении—сила!

Безпартійный орган
русских рабочих в Америке

Выходит еженедельно.

Издание Русской Рабочей
Группы в Нью-Йорке

Условия подписки:

В Соединенных Штатах:	В Канаде и за границей:
На год 50 центов	На год 50 сеп.
На полгода 25 "	На полгода 25 "
Отдельные номера по 5 центов можно получать на стандах в Нью-Йорке и в некоторых городах Соед. Штатов и Канады.	

Вся корреспонденция на имя „Голоса Труда“ должна быть на-
правлена по следующему адресу:

Рукописи должны быть написаны четко, на одной стороне ли-
ста и иметь подпись автора, с указанием его адреса. Рукописи, при-
знанные неудобными к печати, уничтожаются, если на возврат их не
были присланы почтовые марки.

НОВЫЙ АДРЕС „ГОЛОСА ТРУДА“:

“Golos Truda”, P. O. Box 4, Station U, New York, N. Y.

Год III.

NEW YORK, MARCH 1st 1913

Vol. III.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая
Письмо П. А. Кропоткина
Русский обзор
Заграничный обзор
Уроки прошлого
Парламент и сельско-хозяйственные
работы
Революционное значение рабочего а-по-
литизма
Законы в с.-д. государствах
Речь А. Карелина о Кропоткине
Златая цепь
Речь Матрены Присяжнюк (Раисы)
Перед лицом жизни (Фельетон)
Замётка об индустриализме
К забастовке наборщиков в „Р. С.“
Результаты портных
Народная Трибуна
Письма в редакцию
Извещения и замётки
Поступления и отчеты
Объявления

Нью-Йорк, 1 марта, 1913 г.

Подобно пахарю-святелю, бросающему на
распахнутую ниву зерно и со сманным чувст-
вом надежды и сомнений ожидающему плодов сво-
его тяжелого труда, приступали мы, два года то-
му назад, к выпуску первого номера „Голоса
Труда“.

Сами рабочие, мы были глубоко уверены в
том, что идеал рабочего социализма будет воспри-
нят трудящимися, мы верили в творческие силы
самого народа, но мы видели также плоды тле-
творного влияния американского доллара на на-
шу интеллигенцию и часть рабочих, и к нам в ду-
шу невольно закрадывалось сомнение в возмож-
ности восприятия нашего идеала больше или меньше
широкими массами именно здесь, в Америке.

К большому нашему удовольствию, нам неко-
рр пришлось убедиться в том, что наше сомне-
ние было верно только по отношению к интелли-
генции, части партийным рабочим, „разочарован-
ным“ или вернее никогда ничем не очарован-
ным и лежебокам „Обломовым“; более-же дей-
тельная и сознательная часть рабочих встрети-
ла „Голос Труда“ с восторгом и, чем дальше,
тем больше прилагает сил к его поддержке и
развитию, хорошо понимая всю пользу и необхо-
димость создания серьезного и честного рабочего
органа.

Но деятельность товарищей не ограничилась,
конечно, одной поддержкой „Голоса Труда“. Не-
льзя не отметить с чувством глубокого удов-
летворения, что под несомненным влиянием „Го-
лоса Труда“ и массы распространенной товари-
щами анархической и синдикалистской литерату-

ры, образовалась федерация, состоящая, пока, из
четырнадцати организаций и создается очень ши-
рокое и вполне определенное, чистое рабочее идей-
ное движение, влияние которого, без всякого сом-
нения, отразится в очень высокой степени не толь-
ко на местном рабочем движении, но, что особен-
но важно, и на будущей русской революции.

Если в практическом отношении достигнуты,
пока, сравнительно, небольшие результаты, то
это объясняется тем, что потребовалось не мало
времени на выработку вполне определенных тео-
ретических понятий по разным вопросам рабоче-
го движения. Прежде, чем перейти к практичес-
кой работе, нужно было установить наше отно-
шение к идеалам интеллигентского и рабочего со-
циализма; выяснить идеи и стремления старого
рабочего и нового социал-демократического ин-
теллигентства; изучить методы работы революционеров
слов и революционеров дела, как в настоящее
мирное время, так и в момент социальной рево-
люции и многое, многое другое. Словом, потребова-
лась гигантская работа мысли, особенно трудная
и сложная для тех, кому в повседневной борьбе
за существование почти не остается времени для
умственной работы.

Поддержанный в своих начинаниях неустой-
чивой и безкорыстной помощью искрен-
но преданными трудящимися интеллигентными то-
варищами, не претендующими на роль руководи-
телей и вожakov, „Голос Труда“ явился в эти
два года неизменным другом и помощником всех
тех, кто стремится воплотить в жизнь идеи и иде-
алы великих мыслителей и истинных друзей че-
ловечества. И если такая работа кажется некото-
рым „интеллигентам“ „повторением никому не
нужных, азбучных истин“, то для нас, рядовых
грудных, она является и важной, и существен-
но необходимой.

Мы не могли, к сожалению, до сих пор, по мно-
гим причинам, сделать „Голос Труда“ больше до-
ступным по его содержанию, для широких трудо-
вых масс. Но и в этом отношении мы надеемся в
будущем сделать, что сможем.

Необходимость в более учащемся выпуске
„Голоса Труда“ чувствуется всеми нами. Потреб-
ность в этом для более продуктивной работы и
расширения наших идей в массах, особенно оче-
видна для тех, кто стоит лицом к лицу с по-
следними.

Многим товарищам хотелось бы превратить
„Голос Труда“ в еженедельную, а некоторым
хотелось бы в двух-недельную газету.

Посмотрим, возможно ли осуществление того
или другого желания сейчас, при наличии тех
средств, какие имеются в нашем распоряжении,
не говоря уже о литературных силах.

Чтобы „Голос Труда“ мог просуществовать
не меньше года, пока распространение его значи-
тельно расширится, без опасения совершенно пре-

кратить свое существование, необходимо, по при-
ближительному подсчету, иметь в наличности:
для еженедельного выпуска — не менее 1.200,
а для двух-недельного — не менее 600 дол. Из
этого ясно, что у нас нет сейчас в наличности до-
статочно средств ни для того, ни для другого и
нам остается ограничиться месячным изданием
до тех пор, пока мы не соберем нужных для бо-
лее учащегося выпуска средств.

Но возникает другой вопрос. Перейти ли на двух-
недельное издание, когда для этого будут собраны
необходимые средства и тем почти наверняка, ес-
ли не на всегда, то на очень продолжительное
время закрыть себе возможность издания еже-
недельника, так как двухнедельное издание будет
поглощать почти все средства и будет очень
трудно скопить тогда нужную сумму денег, или
еще ждать и сразу перейти на еженедельное
издание?

Решение этого вопроса стоит у нас на очере-
ди. Обсудив его детально и приняв во внимание
все за и против, мы выскажем свои соображения
в возможно ближайшее время.

А пока, продолжим дружными усилиями нашу
работу в пределах возможного.

В заключение, считаем приятным для себя
долгом выразить от своего имени и от имени мно-
гих читателей „Голоса Труда“ глубокую признатель-
ность всем тем товарищам, которые, не смот-
ря на личную материальную необходимость,
всегда охотно отдавали нам свое время, труд и
силы. Мы скажем им словами поэта:

Сбыте разумное, доброе, вечное,
Спасибо сердечное
Скажет вам русский народ.

ПИСЬМО П. А. КРОПОТКИНА

Дорогие Товарищи!

От всего сердца благодарю вас за ваши ласко-
вые слова обо мне, сказанные в №22 „Голоса
Труда“.

Ваше сочувствие глубоко тронуло меня, и я
давно написал бы вам, если бы не болел. Че-
рез несколько дней после 9-го декабря я слег
от воспаления легких, и только теперь на-
чал поправляться настоящим образом, и могу
сам писать друзьям и товарищам.

Будьте так добры и передайте, пожалуйста, на
страницах „Голоса Труда“ мою глубокую благо-
дарность всем товарищам и всем группам, кото-
рые посылали мне свой привет. Тепло и хорошо
чувствовать, что все мы, разбросанные по бль-
свету, считаем себя одною семьей.

Хотел бы всем написать порознь, но это вы-
шло бы нелепо. Приходится обращаться к соот-
ветствующей печати.

От души желаю успеха и широкого распро-
странения „Голосу Труда“

Братский привет всем

П. Кропоткин.

РУССКИЙ ОБЗОР.

Соловей-разбойник зашедший в Царском Селе, со своей шайкой собирается устраивать шир по случаю фамильного праздника. Ни для кого не тайна, что нынче царствующий „милостью Божьей“ Николай Окаянный не происходит из рода Романовых, что прямая линия дома Романовых уже давно вымерла, что афимия нашего коронованного выродка не Романов, а Готори, и происходит он отчасти от немецких князей, отчасти от петербургских чухонцев.

Но об этом у нас, в России, запрещают громко говорить, потому что династия Романовых должна являться для обыкновенного смертного древней боярской русской династией, хранимой Господом-Богом, свыше предназначенной царствовать многие лета на благо своих вѣроподданных. Но теперь этот обман русского народа уже совершенно безцелен. Народу теперь совершенно не важно, чьим потомком является Николай Готори и действительно ли уже 300 лет его предки давят Россию. Народ уже окончательно отделяется от вѣры и надежд на царя, как на своего печальника и защитника. Народ понимает, что на престолѣ в своей пышной мантии сидит кровавый намшир, сосущий народную кровь, и не чувство унижения испытывает он, когда произносится имя Благовѣрного Вѣщеносца. Глубоко в душе своей он носит жгучую ненависть к всероссийскому палачу, но терпеливо, с упорством ждет того дня, когда своей могучей рукой раздавит проклятую им гадину. Время настанет — придет час народного, неумолимого и грозного суда и воздастся должное тогда всем преступникам.

История царствования „дома Романовых“ — сплошная уголовная хроника. Чтобы перечислить преступления наших царей — надо написать много страниц. Чтобы выяснить пагубную роль царя не только для России, но и для всех иноземных народов, для которых он всегда был палачом, надо написать большое историческое сочинение. Нынче царствующий Николай Кровавый выполнил заслужил свое прозвище, так как во все время его царствования лилась народная кровь. Начал он свое царствование, задавив сотни людей на ходыняком полѣ во время своей коронации. В течение долгих лет он систематически подавлял всякие волнения рабочих, крестьян и учащейся молодежи и не мало их погубил преждевременной смертью по тюрьмам и в семьях. Сотни тысяч молодых и здоровых русских и японских крестьян и рабочих убиты по воле его и японского микадо во время войны 1904-5 г. Всем памятно кровавое воскресенье 9-го января. А в кровавом октябрь он залил кровью улицы и площади городов и селений всей России, в революционные дни, в дни еврейских погромов и армянской рѣзни. И после того Россия напомнила собой завоеванную страну, где безоглядно свирѣствовали дикие варвары-азиаты. Вся Россия покрылась виселицами. В странѣ свирѣствовали голод и повальные болѣзни, уносившие тысячами людей в могилу, а царь со своей сворой безмятежно пировал в своем разбойничьем гнѣздѣ. Не добрым словом вспоминает народ своего царя-батюшку. Царь знает о народной ненависти по отношению к нему и не удивительно, если во время юбилейного шара нашего деспота в роскошном дворцѣ ему почудится розовая рука, чертящая грозными буквами на раззолоченной стѣнѣ.

В связи с юбилеем возмущается чиновная и официальная Россия. Поздравительная депутация, разнообразные торжества, всякого рода увѣковѣчивания памятного дня... и много разговоров об амнистии политических преступников.

Правительство не может не дать амнистии, так как оно должно подчеркнуть щедрость и милость русского царя. Об очень широкой амнистии, правда, никто и не думает, но правительство не боится дать и не очень узкую амнистию: разбитые духом и тѣлом в каторжных тюрьмах или в

продолжительном изгнании, бывшие революционеры не представляют для него большой опасности, а если некоторые и примутся снова за свое старое дѣло разрушения — правители самым безремонным образом снова вернут их в узницы — на пользу царю и отечеству.

Что же касается „своих“, являющихся соучастниками правительственной шайки, то царь не стѣсняется расточать им свои милости и теперь. Знаменитая фирма Курлов и Ко., благодаря попустительству которой был убит проклятой памяти Столыпин, помилована. Ревизия киевского охранного отдѣления обнаружила массу злоупотреблений чисто уголовного характера, но это дѣло производством прекращено по повелѣнію царя. Ясно, что подобную же участь постигнет и ревизия Манухина, разследовавшего ленинскую трагедию. Правда, совѣтъ министров „сочувственно относится к выясненію истины и обнаруженію виновников этого прискорбнаго событія“, правда, что члены ревизии Манухина получили даже высочайшую благодарность за свои труды, но... от слова до дѣла еще далеко. Поломан еще нѣкоторое время комедію и даже посадил Тренченкова и его покровителей на скамью подсудимых и даже, быть может, осудив его — правительство всегда сможет воспользоваться прерогативой монарха миловать преступников и выручит Тренченкова из бѣды, потому что этот негодяй — „свой“, потому что такие энергичные дѣятели нужны правительственной клинѣ.

Отдыхаешь душой, когда от этой подлой правительственной банды и лицемерной бюрократии обращаешь свой взор к „низам“ современного общества, к трудящемуся народу. Российские рабочие все больше и больше выпрямляются во весь рост. Петербургские рабочие особенно неустоимы. После стачки-протеста в связи с открытіем Всероссийской конференции их мораль протеста против казни съезжавших их моральных бастовали. На некоторых заводах они даже захватили власть. Они умышленно прибавили сверхнорму „гитаторы“ в пользу этой забастовки, на что рабочие немедленно же откликнулись прекращением работ впрямь до обратнаго приѣзда разсчитанных. Лишний раз рабочие подчеркнули, что не трудящиеся являются одной семьей, что у них одинаковыя цѣли и что при дружной, солидарной борьбѣ они, в концѣ концов, добьются своего освобождения. И еще одним поступком они подчеркнули свое самосознание — это постановленіем не употреблять спиртных напитков во время забастовки. Одной из главнѣйших помѣх для немедленной революціи является спирт. Отнимите у французских рабочих вино, без которого они не могут работать, и завтра же во Франціи вспыхнет революція. То же самое, может быть в другой степени, применимо и к нашим рабочим. А если мы наши нѣсколько свободных часов будем проводить не за стаканом вина, а хотя бы за хорошей книжкой, то мы гораздо скорее подыдем к социальному перевороту, приближеніе котораго уже чувствуется.

Русским рабочим надоела та вѣчная перебранка, которая не прекращается в рядах социал-демократов, и они настойчиво требуют положить конец этой грызлѣ. Вряд ли эти требования будут приняты во вниманіе интеллигентскими верхами социал-демократов, которым, в концѣ концов, очень мало дѣла до рабочаго движенія. Увлекаясь политиканством, они доходят до таких неблагоприятных „выступлений“, как просьба председателя финляндскаго сейма, социал-декрата Токоя, повергнуть к стопам Его Императорскаго Величества вѣроподданническаго чувства!!!

Н.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ОБЗОР.

После нѣкотораго затишья на Балканах снова раздался гром пушек. Трудно предсказать, каковы будут результаты возобновившейся войны, но возможно, что Турція перестанет существовать, как европейская держава, и всецѣло уйдет в Азію. Карта Балканскаго полуострова сильно измѣнится, но прид ли кто нибудь от этого выиграет, кромѣ балканской буржуазии. Вначалѣ войны можно было еще с натяжкой считать ее войной освободительной, войной если не народной, то во всяком случаѣ не всецѣло проклинаемой. Теперь же, когда почти все земли населенныя славянскими народами, могли отойти к союзникам, и война возобновилась главным образом из-за Адрианополя, нужнаго для болгарской буржуазии — окончательно исчезает и тѣнь освободительности и она превращается в обыкновенную войну, имѣющую в своей основѣ интересы торговаго и промышленнаго капитала. И от всех дальнѣйших союзных побѣд, сопряженных с громадными потерями людей — так как турки, легко побеждаемые в чистом полѣ, спеціалисты по отенкиванию в крѣпостях — трудящиеся массы союзных держав не приобретут для себя никаких выгод. Вѣшателство великих держав оказалось бесплодным, и сражающіеся вновь начнут пестрѣть друг друга и насильничать над побежденными. Огромный широк изначинки людской готовит славянскіе дипломаты своим благовѣрным монархам.

На ряду с официальными узаконенными масовыми убійствами людей, в предѣлах воюющих государств, с разрѣшенія и благословенія и даже по приказу военных и гражданских властей, происходит еще „беззаконныя“ массовыя убійства и насилія, выдаваемые за стихійно-народныя. Мусульмане турки и курды рѣжут в Малой Азіи христиан-армян, которые тоже не остаются в долгу и со своей стороны платят мусульманам той же монетой. Побѣдители славяне и греки жестоко ищем, устраивая погромы в завоеванных мѣстностях. Особенно свирѣпствуют они в Салониках, избивая мѣстное население, главным образом евреев. И на всем театрѣ военных дѣйствій, по законам военного времени, правители истребляют революционеров, социалистов и всякаго, кто посмѣет несочувственно отозваться или заявить протест против войны. Так было — так будет, пока война со всеми ее ужасами не отойдет в область преданій, пока не исчезнут все паразиты — правители и капиталисты.

Тогда только будет разрѣшен социальный вопрос, а не теперь и не тѣм способом, который предлагает нынѣшній премьер-министръ французской республики. Прежній председатель совѣта министров, Пуанкаре, избран президентом республики на „національном“ собраніи (состоящем из недругов нации — депутатов и сенаторов). На мѣсто его явился Бриан-ренегат, бывший социалист, знаменитый тѣм, что задавал всеобщую стачку железнодорожников (мобилизовавъ их во время стачки), хотя нѣкогда во всеобщей стачкѣ он сам видѣл спасеніе страны. Этот субъект с продажной душой в своей программной рѣчи заявляет, что он нашел ключ для разрѣшенія рабочаго вопроса. Он предлагает старое средство — устраивать ассоціаціи капиталистов и рабочих для производства, при чем рабочие участвуют в прибылях предпріятія. Рабочіе уже давно слышали об этой хитрой механикѣ: участвуя в прибылях, они будут напрягать все свои силы для большей доходности предпріятія и получая за это нѣсколько лишних грошей, создадут громадную прибыль для капиталистов. Как будто бы приобщаясь к классу хозяев, они мало по малу начнут забывать о том вѣковом грабежѣ, которому они подвергались и подвергаются, мало по малу будут уменьшаться их непримиримость к со временному строю, основанному на эксплуатациіи, и у них начнет блѣднѣть социалистическій идеал. Французскіе рабочіе только разсмѣются над словами Бриана-отступника, повернутся к не

За поздним возвращеніем непроданных билетов нѣкоторыми товарищами. Лотерея на книги состоится в мартѣ мѣсяцѣ и номера билетов, на которые падет выигрыш, будут объявлены в №26 „Голоса Труда“.

му силой и самостоятельно будут бороться за улучшение своего положения, твердо памятуя, что только своей собственной рукой они могут добиться своего освобождения.

И из тех путей, которые предлагаются им для шествия в светлое царство социализма, они выберут самый правильный, самый короткий и самый верный — путь непосредственной массовой борьбы, путь вооруженного восстания для немедленной реализации (осуществления) своих идеалов. В восстании всего народа они видят единственный исход, а не в отдельных, хотя бы и героических, выступлениях, как действовали члены напуганной „трагической банды“, участники которой частью убиты, частью погнаны на скляную подсудимых. Поднявши оружие немногочисленной кучкой, они погибли, ибо пошли по неправильному пути. Но нельзя в них бросить грязью, как делает то французская буржуазия, жаждающая крови восставших против нее. Не ей и ей представителям, забрызганным кровью и закопавшим в преступлениях, судить тех, которые своим бурным выступлением хотели разбудить спящих рабочих, которые хотя бы ценой своей жизни хотели толкнуть обездоленных на путь скорбейшего восстания. Само собой разумеется, что здесь страдают и невинные, так как французские судьи, заранее предубежденные, слышали всех обвиняемых в одну кучу, а против многих из них имеются улики весьма сомнительной достоверности. Пашин и те, головы которых скоро упадут под покем красной вдовы-гильотины, управляемой рукой потоптывающего палача Делблера, — это новые кровавые жертвы, приносимые за то же тельце.

Для пользы жрецов этого самого тельца пока что в завоеванных „для народа“ областях увеличены ковенные налоги, платить которые придется тому же самому народу. В Сербии в завоеванных городах устроены городские таможни, повысившие дороговизну жизни. Понятно, что мстное население не очень обрадовалось такому поведению. В Италии наблюдается нечто подобное: для покрытия военных издержек по завоеванию Триполи увеличены пошлины на городских таможнях, что вызвало всеобщую забастовку неаполитанских рабочих, сопровождавшуюся митингами, демонстрациями и столкновениями с карателями, при чем несколько рабочих было убито и ранено.

Подобная же кровопускания предостоят, по всей вероятности, в Бельгии и Венгрии, где „социалистический“ партии проповедуют всеобщую стачку для достижения всеобщего избирательного права. Партии энергично агитируют, устраивая митинги и выпуская зажигательные прокламации в миллионном количестве. Добьются или не добьются права всеобщей подачи голосов, и даже если добьются — рабочие ничего не потеряют и не выиграют, но все же кое-какую пользу они извлекут из этого движения, которое будет у них революционные инстинкты и толкает на путь борьбы, пока, правда, за ненужными им права, но в будущем, когда у них вырастут ясные идеалы, к которым они инстинктивно стремятся и, которые они представляют теперь подчас довольно смутно — этот опыт самостоятельной борьбы не пропадет даром.

Б — н.

УРОКИ ПРОШЛОГО.

Начало Великой Русской Революции, начало глубокого, коренного переворота в укладке всей русской жизни и в духовно-умственном строе народных масс ознаменовалось бурными 1905 — 1906 годами.

Впервые открытые революционные массовые выступления приняли эпидемический (появляющийся) характер. Политические партии усиленно стали развивать свою деятельность, и, подчинившись духу времени, проявили максимизм (наибольший предел возможного) революционности. Но революционность периферии (наружная, внешняя часть) партий, тех их элементов, которые в силу своего характера своей пропагандистской и агитаторской деятельности стояли непосредственно, лицом к лицу с народными массами и не пытались на себя большее влияние их, чем то, какое было в состоянии сами оказать на них, — революционность этих крайних элементов далеко не всегда соответствовала идеям партийных центров. Больше того, она грозила подрывом самой сущности партийных программ, грозила завести слишком далеко и опрокинуть все рогатки, которые политические партии наметили поставить сознанию свои интересы и свои силы народу.

Произошло взаимное охлаждение между „руководителями“ и „исполнителями“ и значительная часть периферии партий откололась от своего партийного ядра.

К этому же времени относится проникновение в Россию анархических идей и — после тридцатилетнего почти перерыва — вновь началась работа анархистов, имевших теперь уже значительно более обширную аудиторию.

К сожалению, в редких, сравнительно, случаях, анархическое слово имело доступ непосредственно к широкой народной массе. Чаще оно осуждено было раздаваться в пределах более узкой и своеобразной среды — революционной молодежи. Эта среда, состоявшая из учащихся, рабочих и крестьян, оторванных, в силу условий революционной деятельности, от тесной и прочной связи с массами, состоявшая, главным образом, из профессиональных революционеров, нередко на нелегальном положении, — жила своей особенной жизнью, дышала особой — революционно-партийной атмосферой. Вчерашние бундовцы, и. п. с-овцы, эс-деки и эс-эры, обезкураженные трудом, прорехившим между запросами масс, обильными дуплением революцией и „директивами“ партийных центров, погрузились в анархизм, новую силу для борьбы. Они нашли в нем и созвучие с смутно выраженными и сознанными запросами народа, их отчетливо-ясное, логическое развитие; и простор для своей деятельности в этом направлении, не стесняемый необходимостью согласоваться с частичными партийными интересами и оправдание крайнего революционизма, на который толкала их сама жизнь.

В силу особенностей переживаемого момента, последнее показалось самым привлекательным для большинства новообращенных.

Сущность анархизма, его целостное мировоззрение, отошли на задний план. До того ли было в это лихорадочное время, когда нужно было действовать, а не изучать. Да и материала для глубокого и серьезного изучения анархизма в России не было.

Идеи, почерпнутые из пропагандистских брошюр, волновали сердца: их соответствие с действительными нуждами и интересами обездоленных бросалось в глаза и без сложной аргументации. По данным этих брошюр новообращенные пользовались, главным образом, для борьбы с положениями государственников, влияние которых чувствовали еще слишком живо на себе: для противопоставления пропаганды бывших товарищей по партии. Для пропаганды же самого анархизма казались недостаточными общия отвлеченная положения его, да главным образом — его боевая тактика. Она так соответствовала моменту!

Улыбалась, уходила в сторону, терялась из виду цель, сущность учения. Выдвигались на первый план средства.

Центр тяжести анархического мировоззрения переместился в глазах его новых последователей. Второстепенный, случайный признак его, выванный к жизни исключительно условиями современного строя, преследованием анархических идей во всем государстве, тактика самозащиты, стала для них главным его содержанием. Не на положительную сторону учения, вытекающей из критики существующего, а на анархическом революционизме сосредоточилось все внимание. Под влиянием событий ступенчалась цель, оправдание бунтарства стало самоцелью, несвязанным порою ни с каким идейным содержанием.

„Инициативное меньшинство“ превратилось тоже в самоцельную величину, в своего рода „героев“, стоящих вне „толпы“. Не во главе ее, а над нею. Не совокупными с нею усилиями ведущие борьбу во имя общих интересов, но ради одностороннего ее свержения — точка зрения в корне противная духу анархизма.

„Экспроприация“ — (в анархическом понимании — коллективные (общие) насильственные отчуждения частной собственности в целях коллективного же производства на новых началах или коллективного потребления) превратилась в вооруженное или даже просто обманное отнятие денег в пользу группы, а порою и чисто личную.

„Акция Директ“ — прямое воздействие, — свелось к простым террористическим актам, больше частью индивидуальным и часто не связанным ни с каким практическим результатом.

Удивительно ли, что когда спала революционная волна, улегся боевой подъем и наступила неизбежная психологическая реакция — в рядах участвовавших революционеров, работавших в качестве анархистов, стало замечаться „разочарование в анархизме“.

То, что они считали анархизмом, имело на самом деле очень мало общего с ним. К восприятию же действительных анархических идей они оказались большею частью неподготовленными.

Анархизм — целостное мировоззрение, свято-таинственно затрагивающее все, самые сакральные (священные) вопросы, подходящее с безстрашной критикой ко всему существующему. Но критика не значит еще — огульное предвзятое отрицание существующего: в пределах его зрелища будущего и задача великого исследования — суметь подметить их, отличить истинное от лжеблага. Принятие анархического мировоззрения требует личных усилий мысли, серьезной работы над собой, продуманности и согласования своих действий с выработанным самостоятельно по идеалу. Анархизм — не догма (основное положение), дающая заранее определенный ответ на все могущие возникнуть вопросы, разрывающая все сомнительные раз навсегда установленными формулами.*

Упрощенное понимание анархизма, как отрицания во что бы то ни стало всего существующего простор личных вожделений, толкование обусловленное чисто внешним отношением к захваченным памяти, но непродуманным, не прочувствованным, не выношенным положением анархизма привело путаницу в неподготовленных умах.†

* Полный глубокого философского смысла афоризм (мысль, выраженная в краткой форме) Бакунина „Дух разрушающий есть в тоже время дух созидующий“, охотно употребляемый анархистами в виде эмблемы (надпись под заглавием книги или статьи, выражающая дух сочинения или основную идею автора) на их изданиях нередко дает повод к недоразумениям. Не тем самым, что разрушаются отрицательные явления, происходит созидание, но лишь благодаря этому разрушению. И кроме разрушения необходимо неизбежно созидание, творческая работа, положительный материал, из которого создается нечто новое, занимая место разрушенного.

† Я не хочу, конечно, этим сказать, что считая обладание обширными научными знаниями необходимым условием понимания анархизма. Мне уже приходилось высказываться об этом, да и самое признание коллективного творчества народных масс источником анархических идей ограждает от подобного толкования этих строк. Не самый факт накопления знаний, а внутренняя переработка их, обуславливающая либо научной дисциплиной, либо действительным осмыслением разрушающего является необходимым условием приобретения целостного и прочного мировоззрения. Прав был Гете:

„Ты не знаешь, кому тебе верить — верь жизни.“

Научит лучше всех мудрецов, лучше всех книг тебя жизнь“.

Распространенное на все окружающее, за исключением личного внутреннего содержания — состоящего в большинстве случаев из пассивно воспринятого и впитанного наследия отрицательной теоретической среды привело некоторых из бывших идейных работников в лагерь индивидуалистов-анархистов, практика которых сводится к простой разнузданности своего „я“. Но приводило оно порой и к самоубийствам. Самоубийствам обычного типа и самоубийствам в виде так наз. „актов безмотивного террора“. И это тем более грустно, что своею смертью свершившие их думали служить идеалу, величие которого смутно предчувствовали.

Немного больше доверия к своим силам, к силам отдельного человека вообще, и — воодушевленные идеалом анархизма, они смогли бы плодотворно служить ему.

Отсутствием этого доверия и отсутствием требовательности к себе часто грешит, к сожалению, революционная молодежь. Оторванная от связи с народными массами, разбуженными революционным взрывом, в недрах которых свершается сейчас упорная напряженная внутренняя работа осмысливания смутных идеалов, возникающих неизбежно в трудовой атмосфере; пропущенная переоценка отдельных предразсудков, — она порою готовится идти к этим массам с проповедью идей, воспринятых ею только разсудком.

В 40-х годах у немецких студентов, одушевленных идеей борьбы за отечество, была в ходу песья, хорошо выражающая их настроение: *Du sollst ein Christ sein* — ты должен быть подобен Христу, — своей внутренней чистотой, своей последовательностью; быть достойным великого, святого дела, которому хочешь служить.

У русских революционеров семидесятых годов требовательность к самим себе была также доминирующим (преобладающим) мотивом и моральная ценность многих из них была чрезвычайно высока. Период *идеальной* революции, революционная буря, захватившая широкие массы, значительно понизила моральный уровень „политических“. Впрочем, это общее явление, что после общественных потрясений наступает временный упадок. Анархизирующий индивидуализм и волна порнографического (яркое изображение сцен разврата в литературе, непристойные рисунки, картины и т. д.) направления русской литературы оказали в известной степени свое тлетворное влияние и на молодежь, соприкасавшуюся с идейными революционными течениями.

Пора — в противовес — выдвинуть усиленную пропаганду идей анархического коммунизма во всей полноте целостного анархического мировоззрения, требующего не чисто внешнего отношения к его предпосылкам, но полного согласования внешних проявлений с внутренним, самостоятельно выработанным, при свете анархии, представлением о правде.

Перед анархистами открывается широкое поле деятельности в массах, затронутых глубокими внутренними переживаниями. Нужно суметь прийти на помощь этой великой работе, протекающей в недрах трудящихся масс, суметь развить перед ними в доступной форме результаты коллективного творчества их западноевропейских братьев по труду и неволе; предостеречь их от подводных камней изменившей русло, также по европейскому образцу, жизни господствующих классов; ознакомить с боевым опытом тех, кто боролся раньше их.

Но не словесная пропаганда привлечет сердца обездоленных к анархистам, не боевые акты, мотивы которых остаются непонятны массам. Народ, смутно выраженные, но глубоко сознательные идеалы которого представляют из себя высокую моральную ценность, будет прислушиваться лишь к тем, чей внутренний мир, чья цельность и искренность, чья последовательность между словом и делом внушит ему доверие. Мало быть в состоянии положить внешним образом содержание анархического учения, нужно быть в со-

стоянии дать почувствовать соответствие его с бродящими в массах идеями. Мало сообщить практические сведения техники борьбы, нужно быть в состоянии зажечь сердца огнем энтузиазма (воодушевления) и вызвать решительность воспользоваться им, ибо лишь рука-об-руку с трудовыми крестьянскими и рабочими массами, анархисты могут приблизить осуществление анархического идеала. Вл. Забужнев.

ПАРЛАМЕНТ И СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОЧИЕ.

Мы не раз говорили на страницах нашей газеты, что рабочее законодательство только записывает, в виде закона, завоевания рабочих. Что законодатели не могут улучшить своим законам положение рабочего класса. Если бы рабочие Германии ждали того времени, когда их облагодетельствуют депутаты парламента, то они и до нашего времени работали бы больше 10 часов в сутки, так как германский парламент не удостоился еще издать закона о максимальном десяти часовом рабочем дне.

Но Германия дает нам еще больше разительный пример безделья законодателей. В ее парламенте много депутатов социал-демократов (сейчас 110, было больше 40 и еще раньше 80), не мало депутатов либеральной марки; крупные землевладельцы, так называемые юнкера, представлены не особенно сильно и, наряду с этим, в этой стране, — где сильно влияние социал-демократов и где очень смиренные и малоактивные рабочие, — мы встречаемся с невозможным, трагичным с рабством, положением громадной категории рабочих. Мы говорим о сельско-хозяйственных рабочих.

В небольшой газетной статье нельзя, разумеется, подробно познакомить читателей „Голоса Труда“ с положением этих тружеников. Для этого статья должна быть, конечно, ограничиться немногими выдержками из статьи В. Надеждина, помещенной в журнале „Общественный Вопрос“. Речь идет, разумеется, о нашем времени.

„В Германии, — пишет В. Надедин, — существуют 53 различных регламента, действующих в различных местах имений и возлагающих на сельских рабочих различные обязанности. Правда, общий дух этих регламентов один и тот же: хозяин имеет право бить своих рабочих и в случае оставления ими службы подвергать их насильственному приводу через посредство полиции... Ослушание, недостаточно почтительное отношение к хозяину и членам его семьи, промедление в выполнении приказаний — все влечет за собою наказание. Нечего говорить о том, как тяжко карается по германским законам приостановление работ с целью добиться улучшения условий труда. Одно лишь соглашение прекратить работы, состоявшееся между сельскими наемными тружениками, влечет за собою тюремное заключение до одного года. В повседневной жизни сельский рабочий опутан тысячей различных кабальных питей, превращающих его в раба и припигающих до неволи норму его существования“.

Вот, между прочим, выдержка из „договора“ сельско-хозяйственного рабочего: „Рабочий обязан все свое время и все свои силы посвящать исключительно хозяйской работе. От 1-го апреля по 1-ое октября он обязан работать от восхода солнца до заката. В остальные месяцы он так же обязан быть на своем посту с раннего утра до того момента, пока свет позволяет ему работать... В экстренных случаях и каждый раз по приказанию хозяина рабочий обязан также работать по воскресным и праздничным дням“. „Рабочий день, — продолжает В. Надедин, — в летнее время составляет не менее 18-ти часов. Времени для отдыха не полагается. Перерывы почти нет. На приятие пищи уходит не более 15 минут. Но договор найма устанавливает еще и правила поведения. Без разрешения хозяина сельский рабочий не имеет права даже в праздничные

дни отлучаться из дому, особенно в ночное время“.

Безработные сельские рабочие вынуждены обращаться за очень скудным пособием в общинные кассы для бедных. Из заработка сдвигать каких либо сбережений нельзя: еле еле можно про существовать. Но общинные кассы это — ловушки для еще большего закабаления рабочих. „Безработным, пользующимся пособием, можно предлагать работу за какую угодно низкую плату и угрожать им арестом в случае отказа“. Впрочем общинные пособия не достигают и 1 р. 50 к. в месяц.

Нечего и говорить, что „питание сельских рабочих оставляет желать весьма и весьма много. На свои скудные средства они не в состоянии удовлетворить свои насущнейшие потребности в пище“. Из округа Нейштадт пишут: „физические силы населения подорваны плохим питанием и переутомлением. Во многих местах основной пищей жителей служит кофе и картофель. Приправой служит сало, селедки и водка“... Что касается до жилищ сельских рабочих, то даже официальные отчеты указывают на их неудовлетворительность: „...в Данцинском округе сельские жилищные санитарные отношения следуют признать недопустимыми. В Бромбергском округе жилища, предназначенные для сельских рабочих, в большинстве случаев оскорбляют человеческое достоинство. В той же комнате, где помещаются люди, находят себя и приют свиньи и домашние птицы. Комнаты темны, до нельзя грязны, сообщаются с погребами. В Трирском округе для сельских рабочих отводятся крайне нездоровые жилища. Грязь вне и внутри помещений составляет их обычную принадлежность“.

Конечно, заболеваемость сельских рабочих очень высока. „В 1910 году опубликовано, составленное на основании анкетных данных, интересное статистическое исследование относительно заболеваемости и смертности среди сельского пролетариата на восточном берегу Эльбы. Результаты оказались до нельзя поразительными и превосходят все то, что мы знаем о самых заброшенных и бедственных уголках нашего отечества (России). Средний процент смертности детей до одного года составляет 39, но есть и такие округа, где смертность эта выражается цифрой 60 и даже 71 на 100. Причина колоссальной детской смертности кроется в чрезвычайно скудном питании: дети производят впечатление слабых и изможденных; редко удается встретить в восточной Пруссии здорового, цветущего на вид человека“.

Сказанного больше, чем достаточно. Ясно, что сельско-хозяйственным рабочим Германии не полагалось их всеобщее, равное и пр. избирательное право. Не менее ясно, что одно серьезное восстание этих рабочих смело бы остатки явного рабства и заставило бы господ юнкеров поумерить свои аппетиты. Но восстание, даже простая активность — не пользуются фавором (милостью) в Германии. Господа социал-демократы проповедают прежде всего законность и усердно расписываются за нее. Эти господа давно уже провозгласили, что, преклоняясь перед законностью, они нагуливают себе красивые щеки. Охотно послал бы я их посмотреть на щеки пехотных ребят сельских рабочих. А, впрочем, воздвиг социал-демократической партии, быть может, и в самом деле пагуляли себе румяные щеки.

С. Бортновский.

Редакция „Голоса Труда“ признала необходимым издать, сверх обычного количества, 3.000 экземпляров №25 „Голоса Труда“ на средства литературного фонда.

Получен №1 журнала „Молот“ и высылается по 9 с. за экз., с пересылкой.

По случаю второй годовщины „Г. Т.“, настоящий № выпускается в увеличенном объеме.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАБОЧАГО А-ПОЛИТИЗМА.*

Одну из характерных черт современного рабочего движения составляет его явная тенденция к а-политизму. Существование этой тенденции в настоящее время доказывать уже не приходится. То, что делает этот а-политизм вопросом огромной важности, это именно его повсеместный характер, из чего можно вывести одно заключение, — а именно, что он соответствует требованиям времени и состоянию опыта рабочего класса.

Как все вопросы современности, так и этот вопрос а-политизма, вызывает серьезные, горячие споры, и эта страстность, являясь точному анализу в споры, часто делается причиной искажения не только сути, но и самой формы вопроса. Однажды один только факт возникновения этого вопроса, повсюду, где рабочее движение достигло известной степени развития, должен был бы убавить всех, что он не случайное явление, что причину его нужно искать не в злой воле групп и индивидов, а в самом росте рабочего движения, — не столько в количественном, сколько в качественном росте, т. е. в росте точного субъективного (личного) сознания условий глубины и общественного значения борьбы классов; тем более, что рост субъективного сознания условий глубины и значения борьбы классов и возникновение и развитие а-политизма выступают, как явления коррелятивные (преобразующие).

А-политизм есть прямое последствие формации (создания) класса для себя. И действительно, по мере того, как рабочий класс становится классом для себя он вырабатывает свою собственную рабочую политику, которая резко отрицает все то, что в буржуазном мире называется политикой и политической борьбой.

Мы имеем случай* показать, что своим лозунгом — организоваться в класс, сознательная рабочая масса отрывается от политико-парламентской партии, а действительность последней является существенной, основной, специфической формой всякой политической борьбы в буржуазном, демократическом смысле слова.

Отрицание же политико-партийной организации есть в то же время отрицание партийной политики. Во имя класса, сознательная часть рабочей массы отрицает политико-парламентскую партию, во имя ясно сознательного своего классового интереса, во имя, можно сказать, индивидуализма в классовых интересах, она отрицает все то, что на языке демократической буржуазии называется политикой и политической борьбой. Это отрицание является результатом более существенного и важного отрицания, отрицания политико-парламентской борьбы, к которому, по крайнему мере, часть пролетариата приходит, благодаря точному анализу (разбору) демократии и, вообще, раскрытию классовой сущности тех правовых учреждений, которые рисуются учреждениями народного права, и которыми в действительности — только учреждений буржуазного права. Стало быть, тот а-политизм, о котором идет речь в рабочем мире, есть прежде всего а-парламентаризм. Отсюда ясно, что а-политизм рабочего класса не есть ни индифферентность (безразличие) по отношению форм общественной жизни, ни отрицание политической борьбы в классовом смысле слова, ибо рабочий класс стремится, с одной стороны — к разрушению известного определенного политического строя, известного определенной формы общественного бытия, известного определенного Поллиса, служащего, так сказать, скорлупой известным формам экономических отношений; с другой стороны — стремится к установлению известного планово-общественной жизни, к известному определенному Поллису, который станет внеш-

ней формой тех новых экономических отношений, которые установят сами трудящиеся массы.

Следовательно, как в своей борьбе против буржуазии, так и в своем строительстве, пролетариат занимается политической деятельностью, политикой, но лишь в том смысле, в каком это слово определяется современной социологией.

Самые решительные враги а-политизма, социал-демократы, прекрасно понимают это тождество революционного а-политизма с а-парламентаризмом и потому то они и сдвинули из парламентаризма тот ключ, который открывает двери их международных сдвигов. А-политики в свою очередь прекрасно сознают, что парламентаризм находится в резком конфликте (противоречии) со всем тем, что должно составлять сущность и основу серьезного рабочего движения — с классовой борьбой.

Разсматривая с точки зрения принципа классовой борьбы тактику парламентских партий, взяв привычку величать себя социально-революционными, мы видим, что ни одна из них не осталась верной этому принципу (основному положению) — одному из краеугольных камней современного социализма. Однако же анализ современного строя показывает нам, что классовая борьба есть та почва, на которой возможно построение здоровой целесообразной революционной тактики. Та идея непримиримого противоречия интересов, на которой зиждется теория классовой борьбы, не должна быть забыта ни при построении рабочих организаций, ни при построении пролетарской программы, ни при анализе практического их проявления.

Теоретически все социалисты заявляют себя сторонниками классовой борьбы, но если проследить их парламентскую деятельность, то станет ясно, что этот принцип не только не имеет у парламентаристов практического применения, но даже отрицается практической их деятельностью с буржуазными политическими партиями, ареной деятельности которых является парламент.

Таким образом, теоретическое признание классовой борьбы превращалось или практически в смирение классов. Одни анархисты, думаясь нам, изгнали этого грехопадника, благодаря той классовой „ненависти“, за которую их так резко осуждали. Между пролетариатом и буржуазией анархисты не признавали никаких других взаимоотношений, кроме тех, которые создаются необходимостью постоянной борьбы. Главными аргументами (доводами) в пользу союза, временного или постоянного, с буржуазией выставлялись соображения общего характера: общенациональные, общекультурные интересы, интересы данного исторического момента и т. д. Но жизнь показала, что соображения являются превосходными аргументами лишь для прикрытия стыдливого оппортунизма (приноровления к обстоятельствам). Нет такого исторического момента, который требовал бы от пролетариата союза с буржуазными классами, ибо нет такого исторического момента, который делал бы абстракцию классов, т. е. ставил бы классы вне классов и таким образом практически на время прекращал бы их существование.

Союз двух враждебных классов предполагает перемирие между ними, а это последнее, если оно состоится, всегда будет искусственным и вредным для класса юридически низкого. Повторим еще раз, что теоретически это признается всеми, также и социалистами-парламентаристами, но практически эти последние от Жореса до Каутского, от Каутского до Турати интуитивно и продолжают интуитивно класс обездоленных в свою известную деятельность с буржуазными классами. Не было такого министерства в странах парламентарного режима, которое не опиралось бы, или всецело, или отчасти, или в известной фазе (момент) своего существования на союз партий. Министерство Леона Буржуа во Франции, имевшее с буржуазными партиями поддержку со-

То же самое можно сказать относительно министерств Вальдека-Руссо, Комба, а в Италии Джолитти. Однако же эти министерства были сознательно буржуазными министерствами и участие в их политике поставило социалистов в резкое противоречие с принципами борьбы классов и, следовательно, с интересами рабочего класса.

Анализ парламентаризма нам показывает, что если во Франции и существует кое-какая такая свобода прессы, если французским правительством и были приняты кое-какие паллиативные (временно облегчающие) средства, но не уничтожающие зла в корнях, в виде экономических реформ, то это не потому, что этого хотел парламент, а потому, что рабочий класс своими стачками, бунтами, демонстрациями, одним словом, своим непосредственным революционным действием принудил правящие классы пойти на уступки. Этот практический анализ парламентаризма разрушает миф в него, развивает скептицизм (недоверие), по отношению парламентаризма, вследствие чего последний все больше и больше теряет почву. Тот же самый анализ приводит к построению другой тактики, тактики непосредственного действия, которая предполагает необходимое присутствие элемента насилия в пролетарской тактике. Класс классу добровольно не делает никаких уступок. Если бы буржуазия была способна добровольно соглашаться на те или иные требования пролетариата, тогда и всякий разговор о классовой борьбе был бы совершенно лишним. Но пока в истории нет примера добровольного отказа какого-нибудь класса от своих привилегий, пока не установлена историческими фактами возможность крупного и мирного экономического переворота в интересах трудящихся, пока история, наоборот, говорит, что даже по отношению к более или менее серьезной реформе требуется, чтобы класс, нуждающийся в ней, борю-ся, силою осуществил ее, — приходится считать исторически верным то положение, что всякий другой путь, кроме решительно революционного, нецелесообразен для пролетариата. Даже такой человек, как всемирный историк Шоссер, чуждый всякого анархизма, пришел к совершенно такому же заключению.

Еще А. Н. Герцен говорил: „или казнить и идти вперед, или мучить и застрять на полдороге“. Нужно идти вперед. Свобода и экономическое благосостояние не „мнимые подарки“.

Итак, перед нами два основных принципа:

1) Непримиримость интересов пролетариата и буржуазии всюду и во всем при современном экономическом режиме. Отсюда невозможность союзов, даже временных, между этими двумя классами, невозможность перемирия. Между ними возможны только те отношения, которые создают необходимость постоянной борьбы.

2) Организационная практическая деятельность пролетариата имеет в виду, раскрыв классовую сущность тех правовых учреждений буржуазии, которые рисуются учреждениями народного права, но которые в действительности являются учреждениями буржуазного права, противопоставить им свои организации, свое право и свою силу, руководимую сознанием своего особого бытия. Пролетарский мир стремится вытеснить из жизни мир буржуазный. Это вытеснение не может быть результатом мирного переворота: осуществление принципов социализма невозможно без насильственного действия пролетариата на буржуазию, истребление над буржуазными учреждениями.

К. Ортегана.

На будущее время „Голос Труда“ будет издаваться только на бумаге средней плотности.

Русской Рабочей Группой издана брошюра „К молодому поколению“ П. Кропоткина. Цена 5 центов с пересылкой.

В редакции „Голоса Труда“ хранится письмо на имя М. А. Надеждина.

* Отрицательное отношение к политике и политической борьбе, понимаемой в буржуазном смысле. — Ред.

* См. мою статью „Класс и партия“ в „Буревестнике“.

РЪЧЬ А. КАРЕЛИНА НА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ МИТИНГЕ, СОБРАВШЕМСЯ В ПАРИЖЕ. 9-ГО ДЕКАБРЯ, ПО ПОВОДУ 70-ТИ ЛЕТИЯ П. А. КРОПОТКИНА.

Древние Египтяне, говоря о человеке, выдающемся в каком либо отношении, утверждали, что при его рождении какой нибудь бог древности положил в его колыбель свой дар.

О П. А. Кропоткинъ они сказали бы, что „собрался всё доброе боги к его колыбели, всё дары свои положили в нее“.

Не заглохшая, но обдана нива русской жизни дарит нас иногда такими гигантами, что мы видим в них как бы воплощение Великого Сердца, Великой Софисти, Великого Мышления-Разума.

Не знаю, какое из этих возвышенных свойств преобладает в Кропоткинъ, и в тѣ немногія минуты, которыя отведены мнѣ, буду говорить о его Великом Разумѣ.

Как часто люди, не видят того, что бросается в глаза, как часто не умѣют они сдѣлать вывода из накопленнаго опыта-знанія.

Кропоткинъ умѣлъ видѣть и умѣлъ дѣлать выводы. Всѣмъ были доступны барометрическія наблюденія путешественников по Азіи, но только Кропоткинъ исправилъ, приглядѣвшись к ним, карту Сѣверной Азіи, на которой Александр Гумбольдтъ помѣтилъ сѣвъ гор, идущихъ не с юго-запада на сѣверо-восток, как это наблюдается в дѣйствительности, а с сѣвера на юг и с востока на запад. Именно Кропоткинъ сумѣлъ сдѣлать тот вывод из имѣющихся матеріалов, который не могли сдѣлать его предшественники-географы.

Так и многие, смотрѣли на холодные каменные флинтахъ, но только он один прочел на них свое извѣстное открытіе в геологическом.

Многіе текущіе и историческіе факты не замѣчаютъ, не достаточно обфигурируются нами, а Кропоткинъ, говоря не только о настоящем и прошлом, но и о будущем, своим Великим Разумомъ сдѣлал из них цѣнные научные выводы.

Наука! Ей служилъ, служба человечеству, Кропоткинъ. И если бы меня спросили, кто является величайшим из ученыхъ начала XX вѣка, кто вложилъ наиболѣе цѣнные дары в сокровищницу человѣческихъ знаній, я бы, не колеблясь, отвѣтилъ: Кропоткинъ.

Дѣло в томъ, что во всѣхъ его трудахъ бросается в глаза отсутствіе отступленій от научнаго метода, умѣнье пользоваться им, и какъ результатъ этого — новыя научныя открытія.

Его работа о взаимопомощи среди животных и людей, это — великое открытіе, которое ставитъ его в глазахъ немногихъ „знающихъ ученыхъ“ на шестое времяни и поставитъ в глазахъ грядущихъ поколѣній наряду съ Дарвиномъ.

Глубокое пониманіе историческихъ фактовъ, позволившее ему очистить от лишняго и сантиментальнаго хлама ученіе о государствѣ, вскрыть сущность, настоящее и будущее значеніе этого института, — заставляетъ смотрѣть на него, как на великаго историка и социолога.

Возьмите его „Исторію французской революціи“, — в его пониманіи — исторію идейнаго и жизненнаго творчества народныхъ массъ, вспомните его указанія на народный коммунизмъ 1792-1 года, на то, что эта революція является источникомъ всѣхъ современныхъ социалистическихъ, коммунистическихъ и анархическихъ концепцій, и вы почувствуете, что у васъ упала повязка съ глазъ и отвернется отъ тѣхъ, кто ничего, кромѣ воплощенія буржуазныхъ стремленій, не увидѣлъ в этой революціи исторію которой стала ясна только в освѣщеніи Кропоткина.

Во истину надо было имѣть Великій Разумъ для того, чтобы подъ грудой тысячелѣтняго самодовольства правящихъ группъ и классовъ разглядѣть, что все цѣнное выковывается в нашей жизни гениальнымъ творчествомъ коллектива, коллективнымъ гениемъ и трудомъ массъ.

Даже в области политической экономіи, кото-

рую, в ея современной метафизической постановкѣ, Кропоткинъ не считаетъ наукой, ему принадлежатъ рядъ цѣнныхъ работъ, блестящихъ мыслей и указаній.

Я могъ бы указать на глубоко обоснованный имъ протестъ противъ ходячаго ученія о концентраціи капиталовъ, на его короткую но мощную по научной цѣнности критику, господствующей среди насъ теоріи цѣнности, на его замѣчанія о раздѣленіи труда, о его производительности, на его работы о роли мелкаго сельскаго хозяйства и т. д. и т. д.

Я бы долго не кончилъ, перечисляя научныя заслуги Кропоткина. Думаю даже, что не намъ, современникамъ, ослѣпленнымъ старыми формулами, за научные выдаваемыемъ графаретами, дано все цѣло понять и оцѣнить эти заслуги.

Мнѣ хватитъ времени сказать только одно. Прочтите или перечтите *sine ira et studio* его работы и вы скажете: „Вот — ученый“, и будете совершенно правы, прибавивъ: „Ессе homo!“ (Вотъ человекъ!).

То, что для слабыхъ умовъ кажется в его работахъ утопіей, покажется вамъ в своемъ истинномъ свѣтѣ: „строго научнымъ предвидѣніемъ“.

Извинюсь за блѣдность и краткость своей рѣчи словами Георга Брандеса, взятыми из его предисловія къ книгѣ Кропоткина „Записки Революціонера“. „Этотъ человекъ — воплощенная простота. В отношеніи характера он можетъ выдержать сравненіе со всѣми, кто боролся за свободу. Никто не былъ безкорытнѣе его. Но он не позволилъ бы мнѣ написать на заглавномъ листѣ его книги все то доброе, что я о немъ думаю“.

Поэтому самому я тоже не скажу всего добраго, что думаю о Кропоткинѣ, и кончаю старорусскимъ привѣтомъ: „Слава Кропоткину! Слава!“

ЗАКОНЫ В СОЦІАЛ - ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВѢ (Д. Л. ДЕЛИНЬЕР).

Мнѣ кажется, что слѣдующія причины обуславливаютъ непріемлемость для насъ совмѣстнаго дѣйствія въ социал-демократической партіи в грядущемъ вооруженномъ возстаніи: 1) бездна, раздѣляющая наши міросозерцанія, и вытекающая отсюда непримиримость пониманія самой сути соціальной революціи; 2) рабочимъ - социалистамъ нельзя идти в бой рука объ руку съ врагами всякаго коммунизма, съ людьми, быть можетъ, и искренними, и индивидуальнo-честными намереній, но, тѣмъ не менѣе, стремящимися къ захвату власти в будущемъ обществѣ и, в виду этого, старающимися внушить рабочимъ необходимую покорность, погасить творческую инициативу массъ и создать крѣпкіе, выдрессированные суровой дисциплиной узкаго доктринерства кадры будущихъ „подданныхъ“; 3) нельзя ожидать, чтобы убѣжденные государственники дѣйствовали в гармоническомъ согласіи съ людьми, душу свою отдающими за то, чтобы народу удалось воплотить в жизнь свою, вѣками влѣбленную, мечту: стать вольнымъ, не знающимъ никакой власти, царедомъ, на вольной, не знающей собственности, землѣ.

Представленіе о будущемъ социалистическомъ строѣ доходитъ у социал-демократовъ до такихъ странностей, что иной разъ невольно думаешь: не подсмѣиваются ли они надъ „публикой“?.. Дѣйствительно ли они — серьезные, убѣжденные пролетариаты обрѣтенной истины, или же просто — самонадѣянные болтуны, наивно принимающіе своихъ слушателей и читателей за недостаткомъ взрослыхъ и разумныхъ ребят?..

Но и у ребятъ есть логика: а у социал-демократовъ ея нѣтъ. Они недоумевали, они до глубины души возмущены современнымъ обществомъ и, объявивъ ему войну, собираются камнями на камни не оставить отъ современнаго строя... Но посмотрите же, что сулятъ они намъ, взами раздвоеннаго, при помощи избирательныхъ бюллетеней, буржуазнаго государства!

Борьба, говорятъ они, будетъ долгая и упорная. Побѣда будетъ много разъ переходить изъ одного лагеря в другой (и ужъ, конечно, потребуются мил-

лиарды такихъ билетиковъ, для того, чтобы под маской ихъ задохнулось, наконецъ, такое чудовище, какъ капиталъ).

Но вотъ, они побѣдили. На землѣ водворился новый, желанный социал-демократамъ строй...

Начинаемъ внимательно присматриваться, и — что же видимъ? Умы! Видимъ нашихъ давнишнихъ знакомцевъ — переодѣтыхъ в новыя мундиры — чинишниковъ... И служатъ эти чиновники все той же ветхой старушкѣ, государственной, централизованной системѣ, непригодности и злобности которой проверены тысячелѣтіями. Такъ и напрашивается желаніе взять под-козырекъ и припѣстовать: „Здравія желаю Вашему Соціал-демократическому Величеству!“

Только что сказанное легко подтвердить ссылками на литературу социал-демократовъ.

„Вельможѣ — честь“, говорили в старину французы, — говорили до тѣхъ поръ, пока суровые уроки жизни не отбили у нихъ всякую охоту склонять головы передъ большими и малыми феодалами. У социал-демократовъ-же существуютъ, какъ извѣстно, и понынѣ очень важные господа — ученые вожакъ, „генералы“, „лидеры“...

Слѣдовало бы начать съ самаго заслуженнаго изъ нихъ — съ К. Каутскаго. Но такъ какъ в „Г. Т.“ уже немало говорилось о немъ, то можно на этотъ разъ оставить в покоѣ этого писателя и заглянуть в какую нибудь другую книгу, напр., хотя бы, в „Проектъ социалистическаго свода законовъ“ А. Деланьера.

Въ первомъ томѣ и наудачу открываю его. Мнѣ бросается в глаза слѣдующая фраза „Предисловія“: „Безпристрастные умы, отказывающіеся сдѣлать скачокъ в неизвѣстность, способные, тѣмъ не менѣе, примкнуть къ намъ, разъ узнаютъ, куда ведетъ ихъ социализмъ“... Вотъ прекрасно, думаю я: это-то именно намъ и нужно...

Умы! отъ всего дальнѣйшаго в книгѣ Деланьера явѣтъ чѣз-то ужъ очень знакомыя и безрадостныя. И если социализмъ ведетъ насъ въ государство Деланьера, то лучше бы никто к нему не примыкалъ!..

Начнемъ съ того, что в социалистическомъ государствѣ Деланьера сохраняются всѣ современныя наказанія (за исключеніемъ только смертной казни): простой выговоръ; публичный выговоръ; штрафъ; конфискація; заключеніе в тюрьму; временное лишеніе нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ; поселеніе; лишеніе всѣхъ правъ; каторжныя работы; изгнаніе.

Приговоренные къ заключенію на срокъ отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ содержатся в исправительныхъ тюрьмахъ в предѣлахъ Франціи.

Приговоренные на срокъ отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 3-хъ лѣтъ отбываютъ наказаніе в исправительныхъ тюрьмахъ на Корсикѣ.

Тюремное заключеніе отъ 3-хъ до 10-ти лѣтъ отбывается в исправительныхъ тюрьмахъ Новой Каледоніи.

Въ случаѣ неповиновенія тюремной дисциплинѣ, заключенный можетъ быть посаженъ в карцеръ на хлѣбъ и воду и лишается возможности общенія съ товарищами по тюрьмѣ, причемъ сокращеніе или, наоборотъ, продленіе срока такого дисциплинарнаго наказанія зависитъ отъ усмотрѣнія „высшаго начальства“.

Далѣе, минимальный срокъ для каторжныхъ работъ — 3 года, и отбывается каторга в особыхъ исправительныхъ тюрьмахъ в Новой Каледоніи и на ближайшихъ островахъ. Приговоренные къ каторгѣ уносятся тамъ для исполненія самыхъ тяжелыхъ общественныхъ работъ. Макимумъ „каторжнаго“ рабочаго дня — 10 часовъ. Трудъ — не оплачивается.

Какъ простое заключеніе, такъ и каторжныя работы не могутъ длиться больше 10 лѣтъ, но то и другое могутъ быть совмѣщаемы.

Выселеніе, сопряженное, какъ мы видѣли, съ долгосрочнымъ тюремнымъ заключеніемъ, не ограничивается никакимъ опредѣленнымъ срокомъ. Въ случаѣ повиновенія со стороны „Президента Республики“, оно можетъ быть короче срока, выдержаннаго передъ тѣмъ в тюрьмѣ. Выселеннымъ раз-

решается возвращение во Францию в том лишь случае, если их поведение было безукоризненным, если они кажутся вполне исправившимися. По возвращении, они оставляются под надзором полиции.

Тюремное заключение женщин не может продолжаться более 10 лет...

„Политическими“ преступлениями считаются: покушение на жизнь Президента Республики; покушение на инсинуирование или перемену правительства; подстрекательство граждан к вооруженному сопротивлению начальству.

Политические преступления первого разряда наказуются максимум десятилетним изгнанием. Политические преступления 2-го разряда — максимум 20-ти летним изгнанием.

Все это кажется чем-то очень и очень знакомым. Но, быть может, нечто совсем новое найдем мы в сфере экономики?.. Увы, только кое-что новое найдем мы здесь, и много старого. Все орудия производства и обманы будут неотчуждаемой коллективной собственностью народа. Но — из этого общего правила имеются у социал-демократа Деланьера серьезные исключения. К великому удивлению любого социалиста, третья статья его Кодекса гласит, что в частное владение могут быть отчуждаемы различные продукты, утварь, сельскохозяйственные орудия, фабричные и коммерческие инструменты, машины, домашние животные, некоторые транспортные средства.

Мелкие собственники могут, если пожелают, сохранять наследственную собственность на землю, обрабатываемую ими самими, с помощью жен и детей, но без помощи наемных батраков. Они останутся также собственниками жилищ и хозяйственных помещений, скота, орудий труда... Эта собственность, правда, не может быть отчуждаема и может, следовательно, передаваться лишь путем дарения или завещания.

Отобрание (экспроприация) в пользу народа средств производства, обманы и подлежащих экспроприации продуктов у крупных собственников произойдет посредством выкупа. Для организации такой экспроприации-выкупа созданы будут в каждом округе „комитеты присяжных“, члены которых будут назначаться губернаторами (!)

В наемных контрактах прислуги (да, да, читатель, Вы не ошиблись: именно прислуги!) будет заключаться множество всяких правил и условий... Так что, в общем, на долю господ губернаторов, мэров, судей и полиции выпадет не мало дела. Понадобятся тысячи новых чиновников...

Похоже на шутку, не правда ли?.. Увы, читатель, г. Деланьер вовсе не шутит: все это напечатано серьезнейшим образом в его Своде Законов и надо думать, что, дойдя до 2-го тома своего „Свода“, он просто успеет забыть о благом намерении уничтожить в новом строе институт наемничества....

Далее идет речь о нормировке рабочего дня. Напомним здесь, что даже в наше время рабочие так называемых передовых стран добиваются уже не 48-и часовой, а так называемой „английской“ недели, в течение 5-и дней которой работа продолжается 8 часов, а по субботам только 5 или даже 4 часа. Деланьер забыл, повидимому, и об этом. По его „законам“, 8-ми часовой труд с одним перерывом для завтрака признается нормой трудового дня. Для железнодорожных и других транспортных рабочих, для которых невозможно равномерное распределение времени суточного труда, неделя будет равняться тем же 48-ми рабочим часам, и труд их, во всяком случае, не должен будет превышать 12-ти часов в день.

Рабочий же день „поденщиков-помощников“ (откуда они взялись у г. Деланьера?), трудящихся на мелких участках собственников, будет определяться решениями губернаторов (!). Труд сельских батраков-помощников (?) на крупных плантациях будет продолжаться так же долго, как и труд товарищей артельщиков.

Еженедельный суточный отдых (наше воскресение) гарантируется всем рабочим, за исключением, однако, рабочих, обрабатывающих

землю на крупных и мелких земельных участках. Для этих рабочих еженедельный отдых не обязателен, как не обязателен для них и ежегодный 2-х недельный отпуск... Но, снискит эгоистичность наш законодатель, „во всех без исключения профессиях, где условия труда достигли большого развития, чем предусмотренное настоящим Сводом Законов, там завоеванным рабочими преимуществами удерживаются“... Что-ж? Спасибо и на этом, г. Деланьер!.. Быть слишком разборчивым нам, очевидно, не приходится...

Глава о заработной плате также весьма интересна. Она гласит, между прочим, следующее: „Рабочие каждого ремесла будут по заслугам разбиты на несколько классов, с различной для каждого класса заработной платой. Соображаясь с летам каждого, с его старательностью и заслугами, — всякий рабочий может подняться в высший класс. Но в случае видного нерадения его могут перевести в низший“... Далее говорится о том, что заработная плата рабочих, служащих и поденщиков обоим пола, получающих менее 5 франков в день, поднята будет до этой цифры.

О безработных говорится следующее: они должны будут являться в свои мэрии (к которым приписаны) и здесь будут получать, до присвоения работы, пособие в размере заработной платы, установленной в их ремесле.

А мы-то думали, что ни „заработной платы“, ни безработных не будет в социалистическом обществе!..

Отметим еще одну любопытную вещь: тем из „надеждоносцев“ в магазинах, которые сумеют распределить наибольшее количество товаров, при наличии определенного числа имеющих в их распоряжении рабочих, даются награды.

В заключение, два слова вот о чем: миф, как женщина, очень близка и интересна участь, уготованная мной сестрам в будущем государстве социал-демократов, и я приведу здесь сущность 236-ой ст. Свода Законов, которая печется специально о нашем благоденствии.

Замужние женщины, не разведенные, будут иметь право на содержание, равное половине заработка мужа и ни в каком случае не ниже того заработка, какой они получали в год их замужества. Такое же содержание получают вдовы, и разведенные жены, при которых остаются дети.

Незамужняя матери (?), с момента когда объявится их беременность и до тех пор пока они держат при себе своих детей, будут получать содержание, равное заработку, какой они имели в год, предшествующий их беременности. Если же они до беременности вовсе не работали (надо полагать, по молодости), то они будут получать содержание, равное заработной плате „поденщика 3-го класса“ (?).

Недостаток места не позволяет мне привести все упомянутые места, какими изобилует книга Деланьера. Не могу, однако, не поделиться с читателем еще вот какой диковинкой: „Для каждого рода продуктов будут установлены три различных цены, сообразно с качеством продукта“... А мы-то думали, что в социалистическом обществе все нужные для продовольствия населению продукты будут одного качества — наилучшего!..

Такое социалистическое государство Деланьера... Скажите же, товарищи, стоит ли оно того, чтобы для его достижения не то что пролить единую каплю крови, но хотя бы палец о палец ударить?!

Такие господа, как социал-демократ Деланьер, способны окончательно отбить охоту к „социализму“ и у „безпристрастных“ умов. И — слава богу, скажем мы от себя... Ирина.

Примечание Редакции. Опадение тов. автора нам кажется преждевременным. Анархистам, впрочем, всего, не придется участвовать в совместном бою с соц.-дем. по очень простой причине: социал-демократия не только не помышляет

больше о социальной революции, она забыла значение самого слова социализм. Но если бы, сверх ожидания, она приняла участие в бою, то мы, конечно, будем бороться вместе, но под разными лозунгами и там, где социал-демократия будет считать революцию законченной, для нас она лишь вступит в новую фазу своего развития.

ЗЛАТЫЕ ЦЕПИ.

Еще не так давно некоторых опасных преступников не только замуровывали в тюрьмы, но для большей безопасности их еще приковывали цепями к стенам. Так, М. А. Бакунин просидел несколько лет в австрийских и русских тюрьмах на железной цепи. Считал бы ли Бакунин, или кто-либо другой, так предусмотрительно лишенный свободы, свое положение улучшившимся, если бы вместо железной цепи его посадили на цепь золотую? Надо думать, что никакого улучшения он в этом не нашел бы, и попрежнему в нем горело бы непрестанное желание разорвать свои цепи, каковы бы они были, и вырваться из душного застенка на свободу.

Трудящиеся теперь связаны многочисленными цепями, не позволяющими им выпрямиться во весь богатейший рост, взять в свои руки весь сокровища мира, произведенные ими и потому им принадлежащие, и устроить свою жизнь иначе, так, чтобы не было ни голодных, ни холодных. Богачи, надевшие на трудящихся эти цепи, сильно надеются на их прочность и убеждены, что этих оков, по крайнему мере, на их век хватит, если время от времени поистершие звенья заменять новыми, более прочными. Другая же часть бюрократов, более прозорливая, видит, что цепи все больше и больше слабеют, прикидываются дружными трудящимися и кричат об уничтожении этих цепей. Но они не думают о предоставлении народу полной свободы. В орешках и листовках для народа „социалисты“, действительно, говорят об уничтожении капитализма. Что же касается нового строя, которым они хотят заменить нынешний, то они отбывают или туманными фразами или заявлением, что порядок в будущем обществе выработает сам пролетариат через свои выборы. При этом они умалчивают о своих надеждах, что этими выборами окажутся как раз они, лица интеллигентных профессий. Тогда, конечно, устраивая общественную жизнь по своему, они уж себя не забудут и себя не обидят. В качестве организаторов общественной жизни и руководителей в производстве они оставят себе самый жирный кусочек, а народу... вместо ржавых полустертых железных цепей, они скуют народ новыми золотыми цепями. Об этом они более откровенно говорят в толстых „ученых“ книгах, предназначенных не для народа, а для буржуазии. Чтобы правительство и богачи не очень мшались им в обманывании рабочих, в этих книгах они даже пишут, что нынешние хозяева не много потеряют от замены капиталистического строя социалистическим. Во первых, они эту замену обещают не так скоро, так что не только те перенные хозяева, но их сыновья и внуки, а может быть и позднейшие их поколения, успеют вдоволь насосаться народной крови. Во вторых, хотя заводы, фабрики и земля, действительно, отберутся у нынешних паразитов, но взамен их владельцы получат чистые денюжки, на которые сумеют беззаботно прожить свой век. В третьих, хотя рабочим придется и больше платить за работу, чем теперь, но все же прибавочная стоимость останется и попадет в карман „организаторов“. В четвертых, хотя тогда и труднее будет жить широко, ничего не делая, но благодаря полученным денюжкам нынешние хозяева смогут подготовить своих сыновей к заятию государственных должностей, для организации и руководства производством и распределением. Народу они говорят, что этот труд очень тяжел, сложен и необходим, сами же знают, что он очень легкий, а главное — совершенно не нужен.

Сознательные рабочие, конечно, не слушают их. Они знают, что как только народ наберется сил, и возстанет, — он сам, без всяких интеллигентов, заведет у себя жизнь по братски в вольных городах и деревнях. Они понимают, что не за что платить хозяевам за награбленные ими богатства, — ведь сами рабочие создали их, а потому все это им и принадлежит. Нечего платить вору деньгами, если отбираешь у него украденную им вещь. При новых порядках рабочие не хотят получать никакой платы за работу, а отдавать произведенное ими в общую пользу и получать от общины все, что им нужно. И в организациях производства, в государственной власти, они также не нуждаются: спрос на продукты покажет, чего и сколько нужно производить. Новые порядки, за которые салонные социалисты приглашают бороться народ, — это все те же старые капиталистические цѣли; они сдѣланы, быть может из золота вмѣсто желѣза, но также крѣпко сковывают по рукам и ногам рабочего человека, все так же мѣшают ему в его стремлении к полной свободѣ.

Больше всего на удочку социалистов попадаются рабочие тогда, когда послѣдним говорят о необходимости сохранения государства — для организации производства. Чтобы окончательно разбраться в этом вопросе, посмотрим, что такое государство, как оно возникло, какова его роль была до сих пор и какова она будет в будущем строѣ.

Уясняя те задачи, для выполнения которых государство существует, мы сможем точно опредѣлить, что такое оно из себя представляет. Прежде всего — это организация общества, в силу которой неизмѣнно большая часть его подчиняется значительно меньшей его части, якобы для общаго блага. Слѣдовательно, государство — это принужденная власть, принужденно одним человеком другого дѣлать то, что он, может быть, и не хочет. Государство урывает свободу у его членов. Урванная же на словах во имя общаго блага, в дѣйствительности оно урывает ее исключительно для блага привилегированных, для защиты их от нападения непривилегированных. Слѣдовательно, государство предполагает противоположность интересов между его членами, оно не допускает мысли о возможности существованія гармоніи в обществѣ без принудительной власти. Чтобы вѣленія государства не оставались пустыми словами, в случаѣ неповиновенія своих членов, оно принуждает их к покорности вооруженной силой. Государство — это организованное насилие одной части общества над другой, значительно большей.

В самые первобытные времена люди не знали государственной власти, живя вольными общинами, в которых все члены были равноправны. Производство велось без всяких организаторов, сообща, всею коммуной. Но болѣе сильный физически мужчина поработил болѣе слабую женщину. Женщины — первая рабыня в исторіи человечества. Затѣм борьба коммуны между собою (для захвата женщин, орудій производства и готовых уже продуктов) владет начало рабству мужчин. Побѣжденные присоединялись к коммунам побѣдителей, но не обладая орудіями труда, они, естественно, не были способны производить те работы, которыя исполнялись побѣдителями. В силу вещей они принимали меньшее участіе в производствѣ, но, благодаря личным преимуществам, могли очень легко стать наравнѣ с остальными членами коммуны или даже подняться выше их. Когда войны усилились, побѣжденные присоединялись к побѣдителям для увеличения численности коммуны, для усиления ее боевой способности. Эта мягкая форма рабства смѣнилась болѣе суровой, когда орудія труда немного усовершенствовались и при помощи их можно было производить большее количество продуктов. Чѣм то, в котором нуждался сам производитель. Чѣм то, в котором заставляли работать подчас при помощи отобранных у них же орудій труда. Насилие над женщиной, насилие над болѣе слабым поро-

дило рабство, создало власть. А когда уж уже был развращен идеей власти одного человека над другим, то наиболѣе сильные из побѣдителей (сильные физически, умом, хитростью, опытом) в населеніи провозгласили свою единоличную власть над всем племенем и в теченіи вѣков создали ту іерархію власти, от которой и нынѣ не сладко приходится подчиненным.

Но никогда носители власти не были полезны обществу, как руководители экономической жизни. В древнее время патриархи, жрецы и императоры не были дѣйствительными организаторами, как многіе утверждают. Производство направлялось самими производителями, а государственная власть либо не мѣшала ему развиваться, либо на время тормозила его. Роль облеченных властью лиц в производствѣ сводилась к тому, что они разбѣгались, освящали или запрещали то, что требовалось условиями производства. Совершенно другая их роль была в распредѣленіи. Не принося никакой пользы и принося почти всегда только вред, носители власти все же получали львиную часть богатств, произведенных их подданными. И часто подданные считали это в порядкѣ вещей, так как они были ослѣплены непрерывным внушеніем о божественном происхожденіи власти. Уж же их еще не был способен критически отнестись к этому явленію и разоблачить весь его обман.

Древніе цари, императоры, средневѣковые короли и современные правители ничѣм не отличаются от своих предшественников, кромѣ расширенія сферы дѣятельности. Азіатскія царства, Византія и Рим были раскинуты на огромнѣйшія пространства. Современные государства приобѣгают колоніи во всех уголках земного шара. Они с удовольствіем поработили бы тюленей сѣвернаго полюса, если бы смогли научить их работать. Но здѣсь их организаторскій талант оказывается бессильным. — Он чудодѣйствен только для тѣх, кто и без их вмешательства способен к работѣ. Дѣятельность государства по прежнему заключается в ограбленіи своих подвластных и учрежденіи разных институтов, которые, с одной стороны, содѣйствовали бы этому грабежу, а с другой — подавляли бы все попытки к самообожженію начавших прозрѣвать поработенных. Создаютъ цѣлыя арміи чиновников для собиранія всяких налогов, взиманія разнообразных платежей и принужденія к исполненію разных повинностей. Духовенство с церковных кафедр твердит о повиновеніи властям, предержавным, замѣнив истинное ученіе Христа, зовущее к свободѣ и свѣту, новым, подложным, приписанным к потребностям государства. Учителя в школах восхваляют преданность царю и отечеству, воспитывая в молодежи рабскія чувства. Полиція и суд карают рвущихся к свободѣ. Армія разстрѣливает тѣх, кто прозрѣлъ, несмотря на все старанія государства усилить в народѣ власть пьмы, необходимую для сохраненія тѣм власти.

Наивно грубы и лживы увѣренія правителей в цѣлесообразности их существованія для ограбленія подданных от завоеванія их иноземной державой. Не будь нигдѣ власти, не будь государств, — не было бы и войн. Народы жили бы мирно, без братоубійственных кровопролитій. Так они и живут, когда все народы сольются во Всемирной федерации вольных коммун. Современная же защита государств от нашествія иноплемеников равноцѣнна защитѣ пойманнаго волком агнелка от другого волка: к какому бы волку агнелок ни попал, — он, все равно, будет сѣден. Государство поступает даже хитрѣе волка: послѣдній в схваткѣ с врагом все-таки рискует своими боками, властные же правители умѣют загребать жар чужими руками, посылая на войну своих подчиненных.

Итак, со дня своего возникновенія и до сегодняшняго дня государственная власть приносила трудящимся только вред. Неужели же мы потерпим ее существованіе в будущем обществѣ? Неужели без нея нельзя обойтись?..

Салонные социалисты и демократы увѣряют, что нынѣшняя государственная власть так плоха от того, что она вручена плохим людям. Когда же власть получат свободно выбранные представители народа — то она будет служить исключительно его благу. Это — обман! Всякая власть неразрывна с насилием, а насилие никогда не может быть благом при нормальных условиях жизни. Развѣ только для излеченія буйных сумасшедших насилие может быть иногда оправдано. Но будущій строй будет создаваться вѣдь людьми в трезвом умѣ и твердой памяти. Да помню ее упрямительности, власть в будущем обществѣ не сможет исполнить той роли, на которую она претендует и люди смогут прекраснѣйшим образом обойтись без нея. Предварительный учет нужных продуктов и их количества немалым по многим причинам. Во первых, потребитель часто не знает, и чѣм он будет нуждаться в самом близком будущем. Во вторых, очень трудно передать кому-либо, кромѣ производителя, какого сорта продукт желателен потребителю (когда рѣчь идет не о хлѣбѣ и сахарѣ, напр., а об одеждѣ, мебели, предметах комфорта и пр.). Далѣе, для составленія этих списков потребовалась бы огромная армія счетчиков, оказавшаяся опять таки вѣй производствѣ. Понадобилось бы написать цѣлыя горы бумаги для описанія качеств нужных продуктов. И в концѣ концов все это может оказаться напрасным, если у заказчика перемѣнится вкус за время от момента заказа до момента приготовленія заказаннаго, если ему почему-либо не понадобится заказанный предмет и, наоборот, понадобится что либо другое. Вѣрнѣе всего будет предположеніе, что власть, запутавшись в собственном безсиліи, разрѣшит этот вопрос так, как она разрѣшает его теперь в арміи или во флотѣ: нѣсколько сортов одежды, нѣсколько образцов мебели, — и пользуйся этим, свободный гражданин, правнѣе ли это тебѣ или не правнѣе.

Работа счетчиков будет бесполезной, а непосредственныя сношенія потребителя и производителя, без вмешательства государства, дадут прекрасные результаты. Одаренные художественным вкусом производители будут производить самаго разнообразнаго сорта издѣлія. Потребитель сможет всегда в общественных магазинах найти вещь по своему вкусу или, на худой конец, без посторонней помощи, самолично закажет ее производителю. Количество же продуктов, подлежащих выдѣлкѣ, будет регулироваться наличностью соотвѣтственных продуктов в общественных магазинах. В случаѣ недостатка какого либо рода издѣлій увеличится их производство, в случаѣ избытка — уменьшится. И то и другое не страшно вольным коммунам: трудолюбивые члены будущих общин с жаром дополнят недостающее для удовлетворенія потребностей общества, а излѣпленные современем тоже будут потреблены его членами.

А если рабочие сами смогут обойтись без организаторов, то для чего же нам оставлять государственную власть? Развѣ нам не надоело гнуть шею под ярмом разных правителей? Развѣ мы не устали от подчиненія и преклоненія перед людьми в форменных мундирах? Развѣ мы не хотим, наконец, жить свободно и мирно?

Довольно нас морочили г. г. представители господскаго социализма. Мы ясно видим, что господа интеллигенты стремятся занять мѣста современных капиталистов, согласно их формулѣ: работа — рабочим, власть — образованным людям. (А рабочих они считают невѣждами!) И полюбив власть, они так же преисправно будут пить нашу кровь, как пьют ее теперь наши хозяева. Пора рабочим отвѣтить этим господам так, как крыловскій крестьянин отвѣтил змѣѣ: „хоти вы, братцы, и в новой кожѣ, да сердце у нас все то же. Хотя вы для нас готовите цѣли и из золота, но нам не требуется никаких цѣлей: ни желѣзных, ни золотых. Без цѣлей нам куда вольготнѣе!..“

М. Черепес.

GOLOS TRUDA

PUBLISHED MONTHLY
BY THE

Russian Labor Group of New York

P.O. Box 4, Sta. U. New York, N.Y.

Наша газета не имеет „Юнион-Лэбеля“, так как она издается не ради прибыли и потому, что большая часть работы выполняется самими членами группы безвозмездно.

Редакция не принимает на себя ответственности за помещаемые в „Голос Труда“ объявления.

РЪЧЬ МАТРЕНЫ ПРИСЯЖНИК В КИЕВСКОМ ВОЕННО-ОКРУЖНОМ СУДЬ 19 ИЮЛЯ 1908 Г.*

Матрена Присяжнюк (Раиса) привлекалась по делу группы анархистов-индивидуалистов, обвинявшихся в нападении на погребницеский сахарный завод, в убийстве хулигана-священника и в покушении на убийство погребницеского пристава Балицкого.

Дело это слушалось в Киевском Военно-Окружном суде 16—20 июля 1908 года. После 14-ти часового совещания Раиса была приговорена к смертной казни.

Из других товарищей, привлекавшихся по этому делу, один крестьянин был оправдан, Р. Рабинович была приговорена к 8 мѣс. крѣпости, Вишневский и другой товарищ, еврей-рабочий — к 8 г. каторги каждый и двое крестьян — к смертной казни.

После прочтения приговора, младшая сестра Раисы, находившаяся с матерью в зале суда, поднялась и крикнула: „Рай! Мы любим тебя не только как сестру, но и как человека и будем метить за тебя. И-же умру не иначе, чѣм ты“.

С 20-го июля по 20-ое сентября Раиса сидѣла в Киевской Лукьяновской тюрьме, ожидая приведения приговора в исполнение. Все это время она упорно твердила, что не пойдет на казнь и просила у товарищей, находившихся на свободѣ, яду. Два раза пытались передать ей просимое, но оба раза безуспешно. Рай потеряла было всякую надежду на успех, как в ночь на 21-ое сентября, тов. Эдгар Хори, сидѣвший по делу киевской группы А.-К., передал ей через стѣну яд (цѣнный калій). В ту же ночь, ровно в 12 часов, она приняла яд, не желая отдаться живой в руки палачам.

За передачу яда Хори был привлечен к ответственности и судился Киевским Окружным Судом, с участием присяжных заседателей, которые после минутного совещания, вынесли ему оправдательный вердикт.

Когда на судѣ Раисѣ было предоставлено последнее слово, она сказала слѣдующее:†

„Я долго молчала... я молчала все время моего ареста, теперь я буду говорить. Говорить-ли о причинах моего молчания? Причины так много. Что было говорить, кому говорить? Я цѣню правду, я ее только говорю. Ни слова лжи в своей жизни, короткой правда, я не сказала. А говорить

* Не разделяя всецѣло взглядов автора по вопросам об экспроприации и террорѣ, редакция помещает этот документ, представляющий несомненный интерес для читателей „Голоса Труда“.

Редакция.

† Рѣчь и данные о тов. Раисѣ получены редакцией от тов. К., знавшей ее лично.

правду... перед кѣм? Кому ее говорить, — тѣм-ли, которые погрязли во лжи? Нѣтъ, они никогда не узнают правды, нѣтъ, они ее не любят и я им не скажу. Они и судят и карают, и никогда, ни когда не обнаруживают правды. Они никогда не знают, за что они наказывают. Сколько невинных жертв в могилу ушли... Так почему-же не говорят правды им? Скажи правду — и за правду осудят, за правду повесят. И перед ними ложь, все ложь и ложно они судят. Но я не скажу правды и не займусь себя ложью. Я буду молчать. Вы схватили меня и я в ваших руках, так судите же по тѣм данным, которыми вы способны обнаруживать. Я не буду помогать вам судить себя. Ваш суд мнѣ не нужен, он не существует для меня. Я знаю, что все у вас построено на лжи. Я не вѣрю в правосудие вашего суда. Мнѣ не нужен никакой суд. За свои поступки я отвѣтственна только перед собою и никто, никто не имеет права меня судить. Вы взяли себѣ это право, но я его за вами не признаю. Я сама только могу судить себя. Я отказалась от защиты — она мнѣ не нужна. Перед кѣм меня будут защищать и кто? Они

Матрена Присяжнюк (Раиса).

вѣрят в правосудие суда, а я не только не вѣрю в него, но я отрицаю всякій суд над человеком и не могу уполномочить защищать себя, когда мнѣ так ясна моя невинность. Дайте только возможность свободно развиваться каждому человеку, не стойте на пути этого развития и его не придется судить. Он сам будет стоять на стражѣ своих поступков. Вѣдь только сам человек может выдѣлаться из грязи или пойти в нее... Вы судите... Слѣдует наказание... Скажите к чему привели эти наказания? Уменьшились ли эти, так называемые преступления? Нѣтъ. Их число только возросло и оно будет расти. Они будут до тѣх пор, пока за них не перестанут наказывать, пока за поступки человека никто не посмѣет его наказывать, кромѣ него самого.

Я не скажу ничего в свое оправдание... Я — преступница в ваших глазах, я — преступница перед тѣми законами, которые теперь господствуют в Россіи. Не стану говорить о том, насколько вѣрны эти законы, насколько сдѣланы они свободное развитие личности человека, сколько погнали они в могилу людей, которые должны были жить, которые нужны были для жизни, для улучшения в нее справедливости и истины, для осуществления возможности свободно и всесторонне развиваться каждому отдѣльному индивиду. Я скажу только, что даже носители этого закона не поступают согласно с ним, не считают святым того, что хотят заставить миллионы других признать святым. Вездѣ и повсюду представители этого закона сами его топчут ногами, если это не необходимо для осуществления их узко-эгоистических цѣлей. Они сами продают свою мнимую справедливость. За деньги все у них можно купить. И их закон и их самих. Все продается и покупает-

ся: самое дорогое, самое святое! Но в том то и суть, что они сами знают, что не свято то, что они заставляют других признать святым. Они наказывают за нарушение святости закона, а сами нарушают его на каждом шагу и... удивительное дело: их никто не наказывает; а когда им нужны деньги на приобретение имущества, на разврат, на роскошную жизнь, тогда для этой цѣли можно топтать ногами свой закон, можно его продавать. Торгуют законом и этим живут. Торговцы и их никто за это не наказывает. Они потеряли совесть в безумном развратѣ, они в нем потеряли все человеческое и если оно иногда проявляется в других, то вся их энергія направляется в ту сторону и они пресѣкают очеловѣчение, искалѣченных буржуазной моралью, поработанных, задыхающихся в грязи миллионов. Всею ложью они находят оправдание в своих законах, а все, что искренно, что выливается из глубины души человека, они пресѣкают, стараются упразднить.

Для достижения своей цѣли — они не разбираются в средствах, они в тюрьмах и каторгах мучают тѣх, кто теоретически проводил в жизнь не необходимость свержения гнета и освобождения личности из под всякаго рабства (как физическаго, так и моральнаго); казнят и убивают тѣх, кто пытается практически осуществить свою идею.

Я — анархистка-индивидуалистка. Мой идеал — свободное развитие личности человека, в самом широком смыслѣ этого слова, свержение рабства во всех его видах. Мой индивидуализм не выражен в теоріи, он присущ мнѣ, моей натурѣ, как оригиналу. Многие факторы дѣйствовали и способствовали, тому, что моя натура сложилась так, а не иначе. Самой природой во мнѣ заложены свойства индивидуализма и анархизма. Опытный психолог мог бы предсказать это прежде развития моей натуры.

Вышла я из бѣдной крестьянской семьи, в 12 лѣтъ лишилась отца. И с ним жилось не легко — голод, нищета, холод... а после него и подавно. В моей памяти ярко рисуются дни жизни после смерти отца: „мама, кушать“, говорит маленькая сестра. „И я хочу“, слышит заявить еще меньшая... „Дѣточки, нѣтъ хлѣба... что мнѣ дать вам, что я вам дам?“ И она ломает руки... По ее измученному морщинистому лицу текут слезы. „Мама, не плачь, утѣшала я, скоро я выучусь, буду деньги зарабатывать и мы не будем голодными“. Но порой, как-то невольно, и у меня вырывалось из груди: „мама, я так голодна!“... И эти слова были довершением всего. Я видѣла ее страдания, они проскальзывали в каждой черточкѣ ее лица. И я смотрѣла на окружающее — вездѣ тот же голод, тѣ же стоны, та же бѣдность... во всей деревнѣ. И только нѣсколько толстых жили безбѣдно. „Они живут тѣм, что не живут другіе“, еще тогда замѣтила я — и я бѣжала к Богу, я тогда еще вѣрила в него. Я говорила ему, что он не должен позволять таких страданий, что он не должен молча смотрѣть на счастливую жизнь одних и нищету других, — и я вѣрила, что он воплотит в жизнь справедливость и я ему молилась. Но... я ждала, а нищета росла. Порой я сердилась на медлительность Божью. Как можно медлить, когда так нужно скорѣе упразднить нищету. Я вѣрила наивно, с чисто дѣтской душой вѣрила, что он одним словом может все сдѣлать хорошо, все измѣнить, и я ждала. А он не дѣлал. Я ему молилась и сколько я ни молилась, он ничего для меня не сдѣлал. А я так молилась, что на лбу знаки были. А между тѣм, когда он молча созерцал ужасы и стоны людей, безпощадное издѣвательство, когда он молча наблюдал за тѣм, как его именем душили людей, гнали в могилу, у меня мысль работала все дальше и дальше.

Я видѣла, что буржуазная мораль и существующіе законы так искалѣчили людей, что у них нѣтъ ничего своего, что все у них официально-холодное, чисто коммерческое. Из всего люди хотят извлечь выгоду и для этой цѣли торгуют всем, что у них есть — и собою, и своими чувствами, и вѣрой, и законом.

И все видела, и Бог все видел (так думала я тогда). И вот у меня закралось сомнение, всеслеплен ли Бог, когда он так спокойно смотрит на издевательства, на извращенность, и... его именем торгуют, а он смотрит и молчит. Он должен быть горд и самолюбив, а раз этого у него нет, раз он не защищает своего достоинства, то это не значит, что он не хочет (все так ужасно, что возможно не хотеть познания), а что он не может, что он безсилен что либо сделать, что даже я сильнее, потому что мое „хочу“ я проявляю, а проявления его „хочу“ я не видела. Но... Бог не может быть безсилен, значит его нет совершенно. Вот тут то, на этом миге поколебалась у меня вера и на этом миге рухнула. Если он — „справедливость“, если он — „любовь“, то как может он молча смотреть на окружающее? Во мне долго происходила внутренняя борьба. Но скоро я рассталась с тем, во что верила.

Кругом стоны, страдания, кровь... кровь... я видела, как льется кровь, человеческая кровь... на моих глазах тысячи умирали преждевременно от нищеты: голод вырывал для них могилу...

Я училась. С трудом удалось поступить в учительскую школу. Я хотела быть учительницей; эта мысль задала мне еще на скамье двухклассной школы, когда мне было лет 14. Я видела своих учителей, я присматривалась к их отношению к детям. Меня не любили... Я хорошо училась, но моих способностей учителя не стремились развивать. Их халатное отношение к делу и корбило, и возмущало меня. Все их стремление было направлено в другую сторону: выдрессировать учеников так, чтобы они в глазах начальства были тихими, покорными овечками. Меня им трудно было втиснуть в эти рамки, и они не любили меня. Я это чувствовала и понимала, почему они меня не любят. И здесь играли роль деньги и положение. За деньги ставили пятерки, а без денег относились иначе, чем к ним. И вот у меня начало проявляться странное желание быть учителем. Быть такой учительницей, чтобы не считаться с поставками начальства, что бы учить детей, чтобы давать их юным сердцам то хорошее, чего им не давала семья и окружающие условия. „Но как, как продолжать образование?“ стал предо мной вопрос. Не буду говорить, с каким трудом мне удалось поступить в Рижинскую школу при монастыре. После долгих мытарств меня приняли и зачислили на 2 года жизни при монастыре. Я еще верила, но... я верила только в Бога, потому что сейчас же передо мной раскрылась ужасная картина лицемерия монахинь. Я видела их жизнь и ужаснулась: она была так безобразна, она вызвала отвращение!

Была война с Японией. Кровь и кровь... Я скоро покончила с верой в Бога. Я не считалась с тем, как на это посмотрят окружающие. Они мне были чужды. Между нами не было близкой родственной связи. Я задыхалась в окружающей пустоте. Оставив веру в мнимого Бога, я твердо верила в силу свою, в силу каждой отдельной личности; я верила, что эти отдельные сильные личности и пересоздадут мир, что они уничтожат нищету, голод и рабство. Я верила в себя. Мне страшной казалась эта пустая, животная жизнь окружающих и я стремилась к духовной жизни. Я искала — чем жить духовно. И я находила эту жизнь в книгах, среди природы, на лоне которой я выросла. Я готовилась к учительству; я готовилась добросовестно, но мне это трудно давалось. Вследствие недостатка книг, а только в них я могла найти то, что нужно было. Я не встречала ни одного лица, которое дало бы пищу моему внутреннему миру — и я била от людей, я сторонилась их, я не хотела их знать, чтобы не заглушить своим презрением к пустоте и нехорошему того хорошего, что от времени до времени проблескивало в них.

Потом я учительствовала. Немного продержалась — 6 месяцев. Меня уволили. Я любила „своих“ детей, и они это чувствовали. Перед моими глазами открывались детские миры с богатыми задатками и мне отчаянно тяжело было за

невозможность развить то, что в них было. За 6 месяцев немного можно было успеть, но... я много увидела за это время.

Я увидела существующий строй во всем его безобразии. Я увидела его стремление заглушить все хорошее и сделать людей машинами, втиснуть их в рамки закона и мнимой святости. Я видела, как падали в бою за неспровержение этого строя, и я была в рядах этих. Я чувствовала. Я чувствовала, что порабощение только тогда вырвется с корнем, когда уничтожена будет всякая форма государства, когда будет царствовать ничья не ограниченная свобода личности, когда ни кто не будет стоять на пути внутреннего развития мира человека. Принципы анархизма заложены во мне самой природой и я узнала о существовании теории анархизма только после того, как меня лишили миста. Я не встречала анархистов, и знакомилась с анархизмом только по книгам. В каждом слове я видела себя, я чувствовала, что в анархизм воплощена я сама, что там пишущий словно мои мысли позаимствовал. И я уже твердо стояла на ногах.

Я сделала маленькое отступление: после того, как я перестала верить в Бога, я была вегетарианкой, хотя это продолжалось недолго. Кровь и кровь повсюду лилась реками; порою казалось, что весь мир тонет в крови и... „кровь за кровь“ стало моим лозунгом. Я не подставляю другой щеки, когда меня бьют, а за один удар — дам 10 ударов и тем самым прогоню охоту у них бить. Иначе было невозможно.

Нужны были средства для практического осуществления идеи — уничтожения уничтожающих миллионов. Не преступление убить одного и этим дать возможность жить тысячам. Наши богатства, добытые потом и кровью, в руках сильных и с оружием в руках мы отберем у них то, что они захватили у нас силой; против силы — мы силу поставили. И будучи вегетарианкой до 18 лет, боясь сделать больно не только человеку, но и животному, я уже теперь шла с оружием в руках, то тогда грубо вытеснить плачущих рабства и представителей гнета. И повсюду лилась кровь, кровь тех, кто своими трудами держал весь мир, на чьих плечах лежали все, кто хотел, кем попирали в разные стороны.

Я видела кровь... кровь... на моих глазах убили братьев Валдаевых в Казани, в 1905 году. И младшего убили за то только, что любил своего брата, за то, что не мог расстаться с ним. Я видела их трупы. Я видела лица убитых и светлая улыбка играла на них. В груди закипала жажда мести... еще сильнее закипало желание свергнуть это рабство. Все во мне заговорило, поднялось. Меня уже не останавливала необходимость лить кровь. Чем больше будет пролито ее, тем скорее мы дадим возможность „жить“. Тысячи умирают от голода, болезней, развившихся на почве нищеты... тысячи так гибнут! Так не кровопролитием будет гибель представителей гнета. Нет! Убийство одного — я даю возможность жить сотням, тысячам; я убийством своим не прекращаю жизнь, а даю ей возможность развиваться во всей широте. В то время, как у меня сердце разрывалось на части при мысли о той ужасной нищете и грязи, на жизни среди которых обречены миллионы, я видела равнодушно холодные лица, спокойно продолжающие свое пустое дело. Я металась из стороны в сторону, не находя миста, а между тем как дивно-прекрасна могла бы быть жизнь человека, как много могла бы внести в жизнь каждая своеобразно-развивающаяся личность!.. Какая гармония могла бы быть в жизни и в отношениях людей!.. И я знала, что это могло бы быть, и я видела тех, кто мешал осуществлению этого идеала, кто стоял преградой... Я не стану развивать своего теоретического взгляда, не стану давать научного обоснования — желающие могут и помимо меня это узнать; я скажу лишь несколько слов о своем духовном мире.

Мирозеркало каждой личности должно вытекать непосредственно из глубины души, психо-

дичь от сердца и разума. Только искренность может творить, только в ней заложена идея творчества. Все искреннее, вытекающее из глубокого убеждения, все то, во что верят, способно творить, может творить, воплощаться в жизнь и зажигать сердца многих... Я шла, твердо веря в свой идеал, в правоту своих убеждений; шла, побуждаемая внутренним миром. Я не могла иначе — и за мной шли. За мной не могли не идти, потому что идут за теми, кто искренни. Человека нельзя втиснуть в известную — определенную рамку. Внутренний мир его настолько богат, разнообразен, что никакая клетка не в силах вместить его. Только самое широкое, свободное, абсолютно ничем неограниченное развитие личности можно применить к такому богатому миру, как душа человека. Свободное, естественное развитие личности — есть первая необходимость. Дать волю развиваться всему, не только тому, что есть у человека, но и что может быть у него, что заглушено.

Душа человека — это упругая вещь, что не выгибается ни в каких ладах. Ее строят на всякие лады, но от времени до времени струны, неправильно настроенные, ломаются, и раздаются естественные, мелодично-стройные звуки. Ее нельзя сотворить, потому что она сама творит. Как ни придают, как ни заглушают люди, все же от времени до времени выдвигаются сильные натуры, одним решительным взмахом сбрасывают маску, надетую буржуазией и ее моралью, идут и захватывают своим энтузиазмом целые сотни тысяч, разжигая в них жажду и с себя сбрасывая маску, стать хозяевами всего, что их, и что в них вы так искалчили и обезобразили, развив слабость, неуверенность в себе... Но выдвигнувшиеся сильные личности, прозревшие, — раскрывают глаза темным, зажигают желание красивой, свободной жизни. И они, эти личности, сильные и свободные, как сама жизнь, являются творцами, а не вы, замаскированные, трюманы...

Только посмотрите на картину, так резко бросающуюся в глаза по одну сторону — вы, с вашими законами, воспринявшими все подлости, с тюрьмами, с властителями и их присными; ваш идеал — насилие, гнет и рабство. На стороне его стоят нанятые... стоят те, кому платят за это. Перестаньте платить — и некому будет сторожить. По другую сторону мы стоим. Наш идеал — полное освобождение личности, предоставление ей возможности самого широкого развития всех ее потребностей и их удовлетворения. Наш идеал — красивая, свободная и светлая жизнь, творцами которой будут счастливые, свободные и довольные люди. Мы не охраняем штыками своего идеала, мы не наняли стражей для его поддержания — мы сами стражи его, гордые и смелые, с твердой верой в осуществление нашего идеала, с страстной жаждой уничтожения всего, что стоит на пути. Мы — вольные птицы, и к нам сами идут: идут, не боясь сложить головы за свой идеал.

Нет... стоит-ли, стоит-ли говорить о том, как мерзки, не достойны человека средства, которыми поддерживаете вы существующий строй?... Так много грязи вы создали!.. не хочется рыться в ней!.. противно!..

Я пойду дальше. Я останавливаюсь на средствах, которыми мы берем для большей возможности скорейшего достижения своей цели. Разрушение капиталистического строя, уничтожение его представителей, разоблачение перед народом тех безобразных темных сторон, которыми вы богаты, — вот одна из главных необходимых. Дальше: экспроприация, как государственных, так и частных имуществ. Экспроприация — не цель, а средство... средство добыть деньги на необходимые дальнейшие разрушения существующего. Не будем отрицать того, что средства, которыми мы берем, еще далеко не усовершенствованы... Нет совершенства. Есть более усовершенствованное и менее усовершенствованное. Средства усовершенствуются тем скорее, чем зорче следят за проблемами и ошибками. Более совершенным я

могу назвать такое средство, которое с наименьшей затратой сил дает нам наибольшие результаты. Встречаются ошибки, но... только на них зиждутся рациональные способы борьбы. Не буду говорить о тех случаях экспроприаций, которые не имеют под собой иной почвы, чем личная выгода. Их так много, таких понятий несчастных случаев. Ваш же строй породил их! Гонимые голодом, безработицей, пустотой жизни, они идут... Они не знают куда идти, им никто этого не сказал и... творит самая ужасная, безобразная вещь. Часто, особенно в последнее время, они прикрываются тем или иным партийным или групповым именем... Но это только для удобства. Легче так — они и делают. Я не могу бросить камень в этих людей: они не знают как жить иначе. Нужно пересоздать самое их жизнь, чтобы искоренить такие явления. Нужно дать им возможность жить по человечески, и они перестанут быть зверями. Наша же экспроприация, как средство, дает нам возможность вести борьбу и внести дезорганизацию в армию поработавших. Она заставляет их дрожать не только за их жизнь, но и за тот теплый уголок и сытый кусок хлеба, за тот разврат и роскошь, которыми они пользуются, сидя на шеях у поработавших. Часто... часто гибнут на экспроприациях личности, способные так много еще сделать... Но их гибель не остается безследной. Она порождает новых борцов, таких же сильных и смелых, как те, которые погибли на эшафоте, бросив улыбку презрения палачу. И появившиеся на их местах сильные личности продолжают начатое ими дело, захватят еще большие массы в свои ряды и пойдут все дальше и дальше по пути к достижению своего идеала. Только при отсутствии всякой формы государства, за которое (отсутствие) мы стоим, будет возможность свободно, в широком смысле этого слова, развиваться каждой личности. Свобода развития ничем не будет ограничена, и богатства души человека, воплощенные в жизнь, создадут свободную, красивую и светлую жизнь, где не будет места подлостям, потворствуемым вами. Пусть ценою крови будет добыта эта возможность, — но лучше погибнуть в борьбе, чем прозябать, чем тонуть в грязи и ужасах, чем видеть на глазах умирающих с голода. Я иду и уничтожаю все, что давит не потому, что мне жаль этих сгорбленных под бременем труда, не потому, что за них мне больно, а потому, что я... что моя душа, так жаждущая видеть красоту и силу во всем, не может удовлетвориться видом таких. Я хочу видеть всех красивыми, счастливыми и сильными, я хочу, чтобы жизнь была сама красота и гармония и уничтожаю все, что мешает осуществлению моего хотения: уничтожаю все, что не дает возможности достигнуть моего идеала. Я разрушаю все преграды.

Вы скажете, что и вы хотите, что и вы, поработав, предъявите свое хотение... Знаю, знаю... Ваше „хочу“ слишком дико и безобразно. Личное желание не может быть основано на ограничении желания других. Желание, основанное на порабощении других, — бессмысленное желание диких людей. Мое желание не может быть основано на ограничении желания других. Я хочу... и не желаю терпеть ограничения со стороны кого бы то ни было, я своим хочу не ограничивать желания других. Я верю в гармоничное, неограниченное развитие желаний человека, которое не будет основано на порабощении других. Наоборот: чем неограниченнее желание других, тем меньше ограниченный лично у меня.

И я верю... Я верю глубоко, что число таких личностей растет, что оно будет расти с каждым днем, с каждой смертью отдельной личности. Гордо и смело выйдем мы на эшафот, бросив взгляд презрения в нашу сторону. Наша смерть жарким пламенем зажжет сердца многих. Мы умрем, как победители. ВПЕРЕД-ЖЕ! НАША СМЕРТЬ — ПОБЕДА НАША!

ПЕРЕД ЛИЦОМ ЖИЗНИ.

Перед лицом суровой жизни стояли двое людей, оба недовольные ею, и на вопрос: „Чего вы ждете от меня?“ один из них усталым голосом сказал: „Я возмущен жестокостью твоих противоречий, бездельно разум мой пытается понять смысл бытия, и сумраком недоумения перед тобою душа моя полна. Мое самосознание говорит мне, что человек есть лучшее из всех творений...“

— Чего ты хочешь от меня? — безразлично спросила жизнь.

— Счастья!.. Для счастья моего необходимо, чтобы ты примирила твои основы противоречий души моей: мое „хочу“ с твоим „ты должен“.

— Желай того, что должен для меня, — сурово сказала жизнь.

— Я жертвою твоею быть не желаю! — воскликнул человек. — Я властелином жизни быть хочу, а должен выю гнуть в ярме ее законов — для чего?..

— Да вы говорите проще! — сказал другой, стоявший ближе к жизни, а первый продолжал, не уходя из внимания словам товарища:

— Я хочу свободы — жить в гармонии с желаниями своими, и не желаю быть для ближнего по чувству долга ни братом, ни слугою, и буду тем, чем захочу свободно — рабом или братом. Я не желаю в обществе быть камнем, который общество кладет, куда и как захочет, устраивая тюрьмы благополучия своего. Я человек, я дух и разум жизни, я должен быть свободен!

— Постой, — сказала жизнь, сурово усмехаясь. — Ты много говорил, и все, что скажешь дальше, мне известно. Ты хочешь быть свободным! Что же? — Будь! Борись со мною, победи меня и будь мне господином: а я тогда твоей рабой буду. Ты знаешь, я безразлична и победителям всегда легко сдаваться. Но нужно победить! Ты на борьбу со мной, с этой свободой ради, спосoben? Да? Достаточно силен ты для победы и в силу вступишь свою?

И человек сказал улыбаясь: „Ты повлекла меня в борьбу с самим собою, ты поточила разум мой. Как жаль, он вознесся мне далеко в душу и раздал ее!“

— Да вы с ней строже говорите, не жалуйтесь, — сказала другой.

А первый продолжал: „Я отдохну хочу от гнета твоего. О, дай же мне счастья!“

Жизнь снова усмехнулась усмешкой, подобной блеску льда:

— Скажи, когда ты говоришь, ты требуешь или просишь?

— Прошу, — как эхо, человек сказал.

— Ты просишь, как привычный нищий: но, бедный мой, сказать тебе должна я — жизнь милостыни не дает. И знаешь что? Свободный он не просит, он сам берет дары мои... А ты, ты только раб своих желаний, не больше. Свободен тот, в ком сила есть от всех желаний отказаться, чтобы в одно себя вложить. Ты понял? Отожди!

Он понял и улегся, как собака, у ног безразличной жизни, чтобы тихонько ловить кусочки с ее стола, ее обфедки.

Тогда безразличные глаза суровой жизни взглянули на другого человека — то было грубое, но доброе лицо:

— О чем ты просишь?

— Я не прошу, а требую.

— Чего?

— Где справедливость? Дай ее сюда. Все остальное пусть я возьму, пока нужна мне только справедливость. Я долго ждал, я терпеливо ждал, я жил в труде, без отдыха, без света! Я ждал... но будет! Пора мне жить! Где справедливость?

И жизнь ему безразлично откликнула: „возьми“.

Максим Горький.

„Рабочее Дело“.

ЗАМЕТКА ОБ ИНДУСТРИАЛИЗМЕ.

Нет охоты разбирать статьи г. Новомірскаго об индустриализме в Америке. Его можно назвать сплошным недоразумением, а беззастенчивое восхваление автором своей партии производит чуть ли не комическое впечатление.

Отметим здесь только невозможный для серьезного писателя прием, к которому прибегает г. Новомірскій, полемизируя с Н. Р. М. и его цитирование взглядов Ар. Лабріола.

Приписывая „индустриалистам“ в форме вопроса нелгшая мысль, этот автор разбивает, на сколько у него хватает умения, им же самим выдуманные, но за счет его противников поставленные доводы.

„Дли, может быть, — задает он никчемный вопрос, — индустриалисты считают А. Ф. Т. капиталистическим учреждением, потому что ее задачи не выходят за пределы капиталистического общества“ и, правда, не совсем удачно спрашивает с только что указанным положением.

Г. Новомірскому не хотелось бы познакомиться с хотя бы с взглядами социалиста-государственника Евгения Дебса на А. Ф. Т. и тогда ему не пришлось бы задавать несерьезные вопросы. Он узнал бы у Дебса, что А. Ф. Т. считает „интересы капиталистического и рабочего класса одним и тем же“ и „терпит все свое время и всю свою энергию, чтобы привести в гармонию эти два по существу враждебные класса“ (Е. Дебс). Он увидел бы, что старый юнионизм является капиталистическим учреждением не потому, что его задачи не выходят из рамок капиталистического общества, а потому, что, выставив ложный принцип, этот юнионизм стал вреден для рабочих и полезен для капиталистов. Он узнал бы также, что и в организационном отношении старый юнионизм — „капиталистическое учреждение“. „Во главе юнионизма, — говорит Е. Дебс, — стоит Совет Гармонии, так называемая Синик Федерейшон. Эта федерация состоит из трех частей. Одна часть служит представительницей капиталистического класса; другая часть будто бы представляет рабочий класс, а о третьей части говорит, что она является представительницей публики... Можете ли вы себя представить конгресс мира между лициами и гусями? провозгласил Дебс. Вообразите себе такое собрание, когда гусь поднимает свои крылья как бы для благословения, а лициан шепчет: „давайте молиться“.

В эту милую компанию входит С. Гомперс, дипломатично отказавшийся объяснить свое участие в этой организации на международном конгрессе представителей рабочих союзов. Он отмолился на запрос секретарей французских союзов. В нее входит Дункан, а Митчел был даже секретарем этой федерации и только протест рабочих заставил его оставить этот пост. В декабре 1908 года Дж. Митчел открыто заявил, что он убежден, что его деятельность и деятельность его друзей окончательно прекратит конфликты между капиталом и трудом. Вот, между прочим, отрывок из одной из его речей: „Могучее влияние на выработку добрых отношений между организацией труда и капитала оказала национальная гражданская федерация (Синик Федерейшон)... Деятельность союза (С. Ф.) уже много раз ознаменовалась блестящими успехами в деле предотвращения стачек и если он и впредь будет придерживаться той же политики, то имеет право рассчитывать на благодарность общества“. Такова характеристика гражданской федерации, сдланная ее поклонником.

Уж на что В. Зомбарт — далеко не друг революционного синдикализма — и тот пишет о союзах А. Ф. Т., что они не обращают „никакого внимания на пролетариат, как класс“, что они, вызывая „глубокое расчленение пролетариата, задерживают вертикальное сплочение его в один класс“.

Поэтому то и приходится говорить об этих союзах, как о капиталистических, капиталистическое общество поддерживающих учреждениях.

Я не буду говорить здесь об ужасной, убойст-

ненной для рабочих интересов деятельности А. Ф. Т., но надо ничего не знать о ней или быть таким узким и близоруким деятелем, как Легиен для того, чтобы защищать эту федерацию.

Г. Новомірскій, ничто же сумняшея, отождествляет или будущего общества, принадлежащий Ар. Лабріола со взглядами революционных синдикалистов на этот вопрос. Но дело в том, что революционные синдикалисты отнюдь не намерены создать такое общество, где отдельные самостоятельные кооперативы производителей будут вести торговлю своими продуктами. Как это указывал, напр., быв. секретарь Всеобщей Конфедерации Трудя Грюфюэль, рабочие захватят общественные богатства и эти последние „будут использованы корпорациями, в частности синдикатами, в пользу всех“.

Говоря вообще, для того, чтобы писать о революционном синдикализме, мало прочесть книжку Ар. Лабріола, хотя у него и есть чему поучиться (но не плану будущего общества). Недостаточно даже прочесть книги и статьи Сореля, Берта, Лягарделя. Нельзя ограничиться таким чтением. прибавив к нему изучение работ ближе стоящих к синдикализму писателей, как например, Корнелиссен, Пуже, Грюфюэль и другие. Тому, кто хочет писать о синдикализме, необходимо слѣдить за этим могучим, рабочей мыслью творимым движением по конгрессам синдикалистов, по газетам, издаваемым их федерациями, по их центральным, так сказать, органам, необходимо видеть синдикалистов на деле, во время их пропаганды и пр. и пр. и только тогда можно поучать других лиц тому, чем является синдикализм.

От таких же учителей, как г. Новомірскій, да избавит нас судьба.

П. Винтер.

ЛИЦЕМЕРНАЯ ТАКТИКА.

Никогда еще, кажется, за последние годы ни в одном вопросе не обнаружилось с такой яркостью лицемерная тактика американской социал-демократической партии, как в вопросе об иммиграции.

Как известно, она до последнего времени в вопросе об иммиграции, по чисто оппортунистическим (приспособление к обстоятельствам) соображениям, поддерживала требования самых реакционных элементов Американской Федерации Трудя, когда дело касалось допущения в Америку не только восточных народностей, но и трудящихся других стран. Она не ограничивалась поддержкой этих требований в своей прессе и на конвенциях этой организации, а нарушая самые существенные основы социализма, не постыдилась перенести свою постыдную реакционную тактику даже в международный соц.-демократический конгресс. Там, как и можно было ожидать, она встретила полное сочувствие многих „социалистов“, принявших, впрочем, в концѣ-концов, хотя и очень туманную, но все-же неодобрительную резолюцию.

Быстрый рост организации И. Р. М., являющихся, как известно, сторонниками иммиграции, и давление лѣвых партийных элементов, стремившихся укрепить свое влияние в этой организации, заставили, однако, партию пойти на компромисс (сделку) и она с сравнительным успехом пробаллашировала (угодила и нашим и вашим) около двух лет между А. Ф. Т. и И. Р. М., стараясь, „и невинности, сѣмства и капитал приобрести“. Она, вѣроятно, сумела бы удержать равновесие еще некоторое время, если бы коварный иммигрантский законопроект буржуазных представителей конгресса, внесенный, перед президентскими выборами, в угоду А. Ф. Т. о недопущении в страну неграмотных и революционеров, внесенный с той же целью, с какой баллашировала с.-д. партия, т. е. с целью уловления голосов, не нанес ей толчка, от которого она не могла не смутиться.

Нужно было на что-либо решиться: или выступить против него, чтобы хотя для видимости оправдать своими действиями приставку „социал“, или продолжать прежнюю тактику.

Но открытое выступление против законопроекта

та, особенно перед выборами, было бы равносильно уничтожению плодов десятилетней „тяжелой работы“, а продолжение прежней тактики еще больше обострило бы борьбу с лѣвыми элементами внутри партии и вооружило бы тѣх из И. Р. М., которые не окончательно еще утратили веру в действительность парламентской деятельности. А тут дело осложнилось еще и тѣм, что в конгрессе позѣждает „социалист“, „покровитель и защитник“ трудящихся, независимо от их принадлежности к той или иной расѣ или народности, „знаменитый“ г. Бергер.

Но нѣтъ такого положенія, из которого нельзя было-бы найти выхода. И скорѣй выход был найден и роли распределены. Распредѣлялись роли, конечно, за кулисами, а мы явились лишь зрителями „искусно“ разыгранной, очень не сложной по замыслу комедии.

Как только обсуждается иммиграционный законопроект, в конгрессе-ли, у президента или снова, послѣ неутверждения его президентом, в конгрессе, „защитник и покровитель“ угнетенных отсутствует. С.-демократическая пресса громит законопроект и даже лицемерно спрашивает „где был Бергер?“ А партия глубокомысленно молчит. И получается полный „ансамбль“, как говорят по поводу стройно сыгранной пьесы, или, как говорим мы в обществе: „и волки сыты и овцы цѣлы“.

Но такой „искусной“ игрой можно провести, пожалуй, затемненный с.-д. фразеологией мозг и связанную с.-д. дисциплиной волю, но нельзя обмануть мыслящего и ищущаго истины человека.

Позорный для американскаго народа законопроект не превратился в закон только благодаря внесшим его буржуазным представителям конгресса, которым он был нужен перед выборами, но для которых стал излитым и вредным послѣ избрания президентом демократа Вильсона.

Впрочем, нужно быть справедливым, и г. Бергер протестовал на митингѣ в Нью-Йоркѣ против закона, тогда уже утвержденного сенатом, за что удостоился даже похвалы „Новаго Мира“, увидѣвшего в этом протестѣ прогресс г. Бергера в иммиграционном вопросе.

Как партия, в лицѣ г. Бергера, защищала интересы трудящихся в конгрессе, лучше всего может свидѣтельствовать аттестация, выданная ему такой консервативной газетой, как „Нью-Йорк Соп“, которая, приведя слова, сказанные г. Бергером: „Я снова явлюсь в Вашингтон, если останусь в живых“, продолжает: „обѣ партии с сожалѣніем расстаются с таким Бергером. Никогда еще в конгрессе не было столь плодотворной и популярной партии. Он обладает умом, юмором, толерантностью (терпимостью), терпѣніем, философией — рѣдкой смѣсью качеств для привлечения друзей и избѣжанія врагов. Социалисты не могли найти лучшаго представителя. Если им уж непременно нужен представитель в конгрессе, то пусть им будет Виктор Бергер“.

Мнѣ кажется, что г. Бергер, прочитав эту аттестацию, непременно должен был вспомнить мораль одной из басен дѣдушки Крылова: „Услужливый дурак опасенъ врагу“.

К СТАЧКѢ ПОРТНЫХ.

Помѣщаемый ниже призыв портных к продолженію стачки, исходящій от самих рабочих, недовольных условиями, заключенными их вожакими с предпринимателями, является достойной отповѣдью попыткам отдельных лиц распоряжаться, по своему произволу, судьбами и жизнью масс.

Именно так должны говорить и действовать сознательные рабочие.

1 марта, послѣ объявленія в газетѣ „Форверте“ об окончаніи стачки, около 4-5 ч. вечера у здания редакціи собралась огромная толпа рабочих, искавшая своих вожakov. Послѣ безуспѣшных поисков, рабочие, в порывѣ негодованія, начали бить окна в зданіи редакціи, так что заграбили послѣдней были „выпущены“ пригласить полицію.

Какая проницаемость, что редакція социалистической газеты должна охраняться кадрами полицейских от тѣх, чьи интересы она, будто-бы, защищает.

Однако, урок подѣйствовал и в тот-же вечер „Форверте“ уже требовал голосованія предложенных предпринимателями условий.

Мы увѣрены, что товарищи портные с таким же достоинством закончат стачку, с каким они возобновили ее. Желаем им полного успѣха.

К БОРЬБѢ!

Исполнительный комитет братства портных считает своим священным долгом обратиться к вам, десяткам тысяч борцов нашего, как и всѣх других отдѣлов союза портных, продолжающим стоять в рядах борцов, а также работающим уже на условіях, установленных общим соглашеніем юниона и хозяев, с настоящим, весьма важным разясненіем.

От вашего имени, от имени десятков тысяч столь мужественно боровшихся и теперь еще продолжающих бороться, в продолженіи девяти недѣль голодавших и страдавших, но все же каменной стѣной стоявших в борьбѣ, от вашего имени мы отклоняем так называемыя измѣнительскія условія соглашенія, опубликованныя в газетах, по тому что такіа условія оскорбляют и позорят все рабочее движеніе Америки.

Исполнительный комитет братства портных считает своей обязанностью предупредить вас, чтобы вы не считались с призывом газет и не шли на работу, так как мы вмѣстѣ с вами будем продолжать забастовку еще с большим мужеством и рѣшительностью.

Исполнительный комитет братства портных сдѣлает все возможное; не зная ни покоя, ни отдыха он поднимет весь Нью-Йорк, но не допустит, чтобы подобное преступленіе совершилось против всѣх нас.

Возстанем-же на борьбу, братья и сестры!

Не будем-же обращать вниманія на всѣх тѣх, кто хочет погубить нас подлым соглашеніем!

Мы не можем признать никакого соглашенія, совершеннаго без нашего вѣдома.

Мы не можем признать никакого соглашенія, не гарантирующаго нам признанія нашего юниона. Мы боролись девять недѣль и будем бороться до послѣдней капли крови, до тѣх пор, пока наши справедливыя требованія не будут удовлетворены.

С привѣтом

Исполнительный Комитет Братства Портных.

К ЛИКВИДАЦИИ Б. СОЮЗА Р. Р. В Н.-І.

22-го февраля состоялось ликвидационное собраніе членов б. союза р. р. в Нью-Йоркѣ. На собраніе явилось 8 человек, два лица изъяснили свою волю в газетѣ „Новый Мир“ и одно прислало заявленіе.

Рѣшено: 8 голосами против 3 — деньги передать в фонд на изданіе революціонной литературы при „Голосѣ Трудя“, а бібліотеку Бронзвильскому Прогрессивному Кружку для раздѣленія поровну между ним и Бруклинским Раб. Кружком. Присутствовавшим товарищам рѣшено мебель передать Бруклинскому Кружку, печать и штемпеля уничтожить, а книги и документы передать на храненіе в одну из публичных бібліотек г. Нью-Йорка, а в случаѣ отказа в принятіи — Бронзвильскому Кружку.

Помѣщенный ниже протест Нади Коган исходит от лица, присутствовавшего на собраніи и голосовавшего, в числѣ трех, против рѣшенія большинства.

А. Роде-Червинскій.

ПИСЬМО В РЕДАКЦІЮ.

В редакцію газеты „Голос Трудя“.

Недовольная рѣшеніем собранія от 22-го февраля с. г., созданным для ликвидаціи Союза Русских Рабочих в Нью-Йоркѣ, я протестую против рѣшенія об отдачѣ денег в какой-то литературный фонд при „Голосѣ Трудя“. Также протестую против такого распредѣленія оставшейся бібліотеки союза.

Бывшій член Союза Русских Рабочих в Нью-Йоркѣ,
Надя Коган.

НАРОДНАЯ ТРИБУНА

К ВОПРОСУ О ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В АМЕРИКЕ.

Состоя в группах по объединению русских рабочих организаций в федерацию, пришлось прочесть несколько предложений и взглядов отдельных товарищей и некоторых организаций на этот вопрос.

За неизменным местом, мы придется ограничить несколькими более важными вопросами, касающимися интересов рабочего класса.

Русский отдел Индустриальных Рабочих Мира Сан-Франциско ставит следующую проблему: Почему русским рабочим не организоваться в отделы И. Р. М.?

Как рабочая организация И. Р. М. хороша, она не признает парламентской борьбы, не идет на какие либо компромиссы с классом капиталистов и является школой для подготовки к социальной революции.

Но мы, русские рабочие, должны обратить внимание на то, что большинство из нас не знает английского языка, не знакомы с обычаями, с традициями и порядками движения рабочих в Америке, а потому, вступая в ряды И. Р. М., мы только проигрываем в развитии классового самосознания. Мы теряем полную автономию своих организаций и постепенно должны будем отходить от активной борьбы за грядущую русскую революцию. Если к этому прибавить, что из наших членских взносов нам придется уплачивать в главную контору И. Р. М. по 15 центов в месяц с каждого члена организации, что, фактически, будет оставлять нас без гроша, то станет ясным, что особой пользы от вступления в эту организацию, пока, нет.

Во имя рабочей солидарности, во имя всеобщего будущего счастья, русские рабочие организации всегда будут поддерживать революционные выступления американских рабочих, сохраняя при этом полную самостоятельность своих организаций.

Другое замечание из Сан-Франциско не менее интересно для федеративных организаций: „В наш отдел И. Р. М. могут вступать членами только рабочие, а ваши союзы принимают в свои ряды интеллигенцию и даже буржуа“.

Всякий здравомыслящий рабочий, защищающий свои классовые интересы, не может ничего возразить на это замечание. Между рабочим, зарабатывающим 600 дол. в год и интеллигентом (доктором, инженером, адвокатом и т. д.), получающим от 2.000 дол. в год и больше, не может быть общих интересов, так как последний, часто пользуясь изысканней роскошью, живет на счет первого.

Федеративным рабочим организациям неизбежно придется произвести у себя чистку, для избавления от классовой пестроты, тормозящей правильное развитие русского рабочего движения в Америке. Результатом такой чистки будет, не сомнительно, временное замедление умственного развития русской колонии, бедной активными рабочими. Но время свое возьмет: голод, нищета и наемное рабство выдвигают борцов и апостолов за рабочее дело из рядов самих трудящихся, которые с успехом замещают интеллигенцию, недовольствующуюся ролью помощников, а стремящуюся навязать рабочему классу свою волю, свои идеалы.

Некоторые рабочие искренно советуют устраивать социалистические отделы и присоединяться к Американской Социалистической Партии. Этот совет не выдерживает критики, как с идейной, так и с тактической стороны. Принимая в свои ряды лиц из всех классов, Социалистическая партия требует от своих членов только признания сво-

ей программы и тактики, что приводит бедняка рабочего и богатого буржуа к совместной работе.

Жаль тех угнетенных и обездоленных рабов, которые, проводя всю свою жизнь в непосильном физическом труде, живя на чердаках и в подвалах, питаются всякой гнилью, в поисках своего освобождения попадают в водоворот социалистической партии.

Конечно, обвинять их в этом нельзя, ибо они не видят, что творят. Большинство рабочих, не сознавая своих классовых интересов, находятся и в буржуазных партиях, защищая таким образом интересы своих врагов-эксплуататоров, что доказывает только недоразвитие их классового самосознания. Рабочему нет места в Социалистической партии уже по одному тому, что там находится его хозяин, сравнительно обеспеченный интеллигент, буржуа и т. д.

Рабочему незачем отдавать свою судьбу в руки выборных депутатов, выбранных хотя-бы и самими рабочими. Ему нет смысла складывать у порога парламента свое желанное оружие, чтобы замкнуть его бумажным.

Рабочий класс должен организоваться в единую классовую организацию и, улучшая свое положение в капиталистическом строе прямой, непосредственной борьбой, должен сам подготовиться к социальной революции. И задача русских федеративных организаций — стать школой воспитания русских рабочих именно в этом направлении, готовить их к последнему бою — к социальной революции.

П. Рыбин.

К ОЧЕРЕДНЫМ ЗАДАЧАМ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В АМЕРИКЕ.

В Соединенных Штатах насчитывается до 200.000 русских рабочих. Эта громадная армия является одной из наиболее эксплуатируемых в этой стране. Кроме хозяев, кровь русского рабочего льют одесов, польки, украинцы-доктора и много других наций и паучков, им же нет числа. Не говорю уже о пьянстве — этой язве не одних только русских рабочих.

Причины всего этого кроются отчасти в отсутствии самостоятельности, главным же образом в том, что русская масса стоит здесь вдали от местного рабочего движения. Даже те из русских рабочих, которые дошли до сознания необходимости организоваться, предпочитают почему то стоять изолированно, а если и присоединяются, то почему то к партии, претендующей на название „рабочей“. Оставляя в стороне вопрос о вреде или пользе парламентарной „борьбы“, укажу только на тот факт, что из 200.000 русских вряд ли найдется 2% „голосующих граждан“.

Русские рабочие! Если вы уже решили отдать вашу энергию и силы, то не растрачивайте ее попусту: у вас много есть работы, живой работы и не за партией.

Свои взоры вы должны обратить в сторону великой борьбы, поднятой творцами рабочими против царя-капитала. Борьба эта ведется во всех уголках, каждый час, каждую минуту, ведется за лучшее настоящее и великое будущее. Приобщите русскую рабочую массу к этой борьбе, не держите ее вдали, не стойте в стороне и сами. Ссылка на необходимость работы для России не выдерживает критики. Я уверен, что если вы видите рабочего солдатом революционной армии здесь, в Америке, то он останется таким всюду, куда бы ни загнала его судьба. Сеаттлский союз русских рабочих поставил вопрос о присоединении к организации Индустриальных Рабочих Мира. Не знаю, как союзы решат этот вопрос, но мое мнение, что место русских рабочих именно в этой боевой организации американского пролетариата.

Следующим вопросом, который предстоит решить передовым рабочим здесь, является вопрос о прессе. Русский рабочий еще недостаточно оценил важность прессы вообще и своей рабочей прессы в особенности. Это видно хотя бы из то-

го, что единственный орган, издающийся здесь рабочими, может выходить только раз в месяц. До сих пор пресса оседалась здесь, хотя и на рабочие деньги „друзьями“ рабочих (Ох, эти друзья!) История с „Русским Словом“ и противорабочее направление „Нового Мира“, я думаю, откроют глаза русским рабочим на необходимость своей рабочей газеты.

Поэтому второй очередной задачей, близко связанной с первой, является необходимость сделать „Голос Труда“ ежедневным органом.

Решение этих двух задач и ту или другую сторону покажет степень классового самосознания русских рабочих, равно как и степень их самостоятельности. От этого же решения будет зависеть и то, останется ли русская масса и на дальше в стороне от местного революционного движения, или же пойдет рука об руку с местным пролетариатом на бой за лучшее будущее, а равно и настоящее.

А. Сенкевич.

О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ.

В настоящее время, да и раньше, самым живым вопросом рабочего движения является вопрос о значении классовой борьбы пролетариата. Само понятие „классовая борьба“, без преувеличения сказать, сдвинулось теперь ходячим словом, своего рода „притчей во языцех“. Не лишним будет, поэтому, уяснив сначала верное понятие этих двух многозначущих слов, затронуть слегка и самый вопрос классовой борьбы. Сделаю это кратко, дабы дать возможность высказаться и другим товарищам.

Современное общество по справедливости делит на два класса людей: один класс, имеющий полную возможность удовлетворять всем своим потребностям — класс буржуазии; другой класс, лишенный возможности удовлетворять самым насущнейшим потребностям — класс пролетариата. Эти два класса — буржуазия и пролетариат — по существу своему противоположны, враждебны друг другу: между ними нет и не может быть ничего общего. Как нет и не может быть однородных, единых страданий, как нет и не может быть единого человечества: — есть только имущие и неимущие, богатые и бедные.

Исходя из этой точки зрения, надо раз навсегда установить, что классовая борьба понятие не абстрактное, отвлеченное: нет: классовая борьба — это сама жизнь, та самая жизнь, которая выдвинула на арену борьбы буржуазию и пролетариат, образовав между ними глубокую пропасть. Классовая борьба — это сама действительность, та самая действительность, которая рвет глаза своим великим контрастом сытых и голодных. Она, значит, зовет пролетариат к борьбе с буржуазией — к классовой борьбе.

Каким же образом рабочий класс должен бороться с буржуазией? Как он должен вести свою классовую борьбу?

Основной факт существования рабочего класса есть труд. Но труд рабочего, как мы знаем, эксплуатируется капиталистом. Эксплуатация рабочего капиталистом есть зло, против которого рабочий возмущается. Рабочий массы, поэтому, живут повседневными заботами и надеждами на улучшение своего бедственного экономического положения. Ничто не в состоянии поднять рабочий класс на активную борьбу, как только его скверные условия жизни. Ибо не идеи или убеждения непосредственно влияют на рабочего (об исключении не говорю), но факты, конкретные факты его жизни. „Жизнь влияет на человека и определяет его волю“, сказал где-то Бакунин. Поэтому я говорю: современный рабочий класс организованными силами должен вести ежедневную борьбу за действительное улучшение своего экономического положения, вплоть до разрушения — через социально-экономическую революцию — самого основ буржуазно-капиталистического устройства жизни.

Л. Финкель.

К ЗАБАСТОВКЕ НАБОРЩИКОВ В „Р. С.“

Забастовка наборщиков в „Русском Слове“ привлекала к себе внимание русской колонии. В прошлом № „Голоса Труда“, наша редакция указала, что дело идет здесь об обычной забастовке, а отношение „Голоса Труда“ к стачечной борьбе известно.

Если мы возвращаемся к этой теме, то только для обоснования нашего взгляда на то, что в „Русском Слове“ происходит обычная стачка и для указания, что некоторые товарищи недостаточно серьезно отнеслись к этой стачке, вследствие чего они ошибочно интересы русской колонии поставили выше классовой солидарности.

„Русское Слово“ не является органом какой-либо рабочей организации. Эта газета набиралась наемными рабочими, а не вольными работниками, действующими свое личное дело. „Русское Слово“, это — орган г. Окунцова. В присутствии у г. Окунцова единомышленников приходится усмириться, так как его газета не придерживается определенного направления. Можно прийти в отчаяние, переходя от анархических, социал-демократических, радикальных статей к статьям, толкующим о разных вопросах так, как вздумалось их авторам. Можно прийти в отчаяние, читая помещаемые в ней рекламы-объявления. В России их отказалась бы поместить мало мальски уважающая своих читателей газета.

Короче, мы имеем здесь дело с частным предприятием и, если кто-либо думает, что социалистический отблеск этой газеты ставит ее выше несоциалистических органов прессы, то тем не менее она остается не столько идейным, сколько коммерческим предприятием, приравливающимся к любому спросу.

Нельзя ли на минуту усмириться, что рабочие г. Окунцова безусловно правы, требуя установленных юнионных плат. Они были бы правы, потребовав у г. Окунцова, как у социалиста, еще больше заработка, равного заработной плате платящих работников юнионных изданий. Такое требование не мешало бы предъявить и со стороны наборщиков партийно-социалистической прессы.

Г. Окунцов безусловно неправ, ссылаясь на то, что его предприятие не на столько доходно, чтобы платить установленную юнионную плату. Так можно оправдывать хозяйскую неуступчивость при любой стачке в любом предприятии. При невозможности платить юнионную плату, г. Окунцов мог сам набирать свою газету, но, как социалист, не имел ни малейшего права напирать на рабочих. А раз он напирал на них, то и обязан был выполнить их юнионные требования. Если даже его предприятие и прогорит от такого выполнения, то это значит только одно, что для него нет места на экономическом рынке. Можно быть уверенным, что больше сознательная часть читателей „Р. С.“ охотнее откажется брать эту газету в руки, чем читать строки, набранные недополучающими по юнионному тарифу рабочими или строки, набранные руками скэбов.

Кто бы ни работал в настоящее время в типографии г. Окунцова, хотя бы он сам или только он один со своими родственниками, — все равно в этой типографии работают скэбы, так как рабочие г. Окунцова забастовали, предъявив минимальные требования. Вот, если бы он не пользовался наемным трудом, если бы у него не было стачки и он сам со своими товарищами набирал эту газету за один цент в день, то нельзя было бы претендовать на него.

Очень жаль, что стачка ведется Американской Федерацией Труда, а не Индустриальными Рабочими Мира, но тем бы ни велась стачка за повышение заработка до юнионной нормы, она должна быть поддержана всеми рабочими. Конечно, каждый рабочий, каждая группа рабочих по своему может реагировать на организацию г. Окунцова штрейкбрехерства, но нельзя отнестись к его деятельности иначе, как отрицательно. Дело идет здесь не о поддержке юниона Американской

Федерации Труда (наш взгляд на эту организацию известен), а о поддержке бастующих рабочих.

Социал-демократы высказались за бастующих рабочих и хорошо сделали. Если же во время этой поддержки, они выдвинули нам семейное положение г. Окунцова в очень некорректном тоне („тестюшка“ и др.), если их литераторы склонны к истерическим выкрикам, то это, конечно, плохо, но отнюдь не умаляет их заслуги в деле поддержки этой стачки. Редакция.

ОПРОСНОЙ ЛИСТ РУССКАГО ОТДЕЛА № 21 БРАТСТВА МАШИНИСТОВ.

Организовавшееся бюро труда при Русском Отделе № 21 Братства Машинистов ставит своей целью подыскание работ для безработных.

При этом обращаем внимание товарищей на следующие печальные явления, что русские товарищи находящиеся в Америке заняты слишком много своими собственными заботами и очень мало осведомлены о положении своих товарищей по ремеслу. В то время, как одни устраиваются сносно, другим приходится голодать.

Но в то же самое время и приспособленные товарищи забывают, что не обезпечены от безработицы и во время таковой бюро труда сможет оказать большую поддержку всем товарищам безработным только тогда, когда в подыскании работ примут деятельное участие все товарищи машинисты. Затем мы просим товарищей ответить по возможности точнее на следующие вопросы:

- 1) Сколько Вам лет?
- 2) Какой Вы национальности?
- 3) Каково Ваше семейное положение: а) холост, женат б) сколько детей в) где семья.
- 4) Сколько времени живете в Америке?
- 5) Какие знаете языки?
- 6) Где учились работ?
- 7) Какой Ваш предыдущий опыт?
- 8) Сколько лет практикуете?
- 9) Какой заработок в час или неделю?
- 10) Сколько часов работаете в день или неделю? Работаете ли сверх урочные и сколько? Работаете ли сдельно?
- 11) Увольняют ли за отказ от сверх-урочных работ?
- 12) Как часто увольняются рабочие и по каким причинам?
- 13) Сколько времени были без работы?
- 14) Сколько времени работаете на настоящем месте?
- 15) Каково отношение администрации к русским машинистам?
- 16) Сколько русских рабочих работает на вашем заводе?
- 17) Если русские рабочие оплачиваются ниже американцев, то каковы причины этого, напр., незнание языка или плохой навык к работ?
- 18) Юнион-шан или нет где Вы работаете?
- 19) Принадлежите ли Вы к какой организации?
- 20) По каким причинам не вступаете в Русский отдел Братства Машинистов?
- 21) Каковы гигиенические условия работы?
- 22) Адрес вашего завода или фабрики?
- 23) Ваш адрес?

Заполненные опросные листы можно присылать по адресу „Голоса Труда“ для Русского Отдела Братства Машинистов.

САМОДЕРЖАВНАЯ ВОЛЯ „НОВАГО МИРА“.

Недавно тов. Гейвуд, на одном из митингов в Нью-Йорке, сказал, что предпочел бы быть судимым капиталистическим судом, чем социалистическим. За такую „дерзость“ на него пошла походка не только с.-д. пресса, но и вся партия.

Между тем он был глубоко прав, так как помимо всех других соображений, до профанации

(осквернения) социалистического идеала включительно, расправа с.-д. судьи с инакомыслящими была бы значительно суровее, чем судьи капиталистического.

Перефразировав слова тов. Гейвуда, я с полной уверенностью могу сказать, что лучше иметь дело с буржуазной прессой, чем с прессой с.-д.кой, пошла „Нового Мира“. Всякая болтовня или менше уважающая себя и своих читателей буржуазная газета, дав место явной до очевидности лжи и инсинуации, не отказала бы поместить и опровержение. Но элементарная литературная честность и этика, обязательная для буржуазной газеты, для „Н. М.“ пустой звук. Его самодержавная воля выше таких „предразсудков“. Какое „Н. М.“ дело до того, что его воля не гармонирует с рабочим идеалом истины и справедливости, выразителем которого он претендует являться! Какое ему дело до какой-то там этики и честности, когда хотят уличить близкого человека во лжи!

И „единственная социалистическая и рабочая газета в Америке“ „Н. М.“, сообразив, что в таких и тому подобных случаях с лучшим успехом применима тактика иезуитов — „цель оправдывает средства“, — не помещает посланное мною, приведенное ниже, „вынужденное разъяснение“, являющееся откликом на полное лжи и инсинуаций открытое письмо г. Воскова к б. членам союза р. р. в Нью-Йорке, помещенное в одном из последних номеров „Нового Мира“.

В Редакцию газеты „Новый Мир“.

Прошу поместить в следующем № „Н. М.“ мое:

ВЫНУЖДЕННОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ.

Если бы г. Восков в своем открытом письме к б. членам союза р. р. в Нью-Йорке ограничился только упреками по моему адресу, то не смотря на инсинуации, я оставил бы его без возражения: он не знал, конечно, о том, что промедление в деле ликвидации старого собрания произошло, главным образом, по причине моего физического недомогания. Но так как он, в пылу своего партийного озлобления, вспоминая обо мне, не мог отказать себе в удовольствии лягнуть попусту и не найденных ему „Русской Рабочей Группы в Нью-Йорке“ и „Голоса Труда“, то я нахожу себя вынужденным сказать несколько слов для возстановления истины.

Во первых, от ликвидированного общества „Просвещения“ в кассу группы поступило не 35 дол., как говорит г. Восков, а всего лишь 16 дол. 35 с. и решение о передаче их группе было принято большинством одного голоса. Правда, такое большинство очень незначительное, но все-же большинство и, так как оно несколько не противоречит соц.-дем. принципам г. Воскова, то он предпочел сдлать небольшую передержку и сказать, что деньги были употреблены на „Г. Т.“ „против согласия половины бывших членов“.

Во вторых, „компетентное собрание“, рѣшившее, по словам г. Воскова, „организовать новую организацию“ состояло из шести человек, в числе которых было только два члена группы и 4 совершенно посторонних группы лиц, а потому ясно, что я и мои единомышленники не могли принять подобного рѣшения, а если такое рѣшение было принято, то большинством этого „компетентного собрания“. В избранный комитет, опять-таки вошли не „исключительно члены „Голоса Труда“, как утверждает г. Восков, а соц.-дем. Елена Шалит, тов. Александрович и только три члена „Г. Т.“. Комитет этот, на сколько мне известно, прекратил свою работу потому, что не встрѣтил отклика на свои неоднократные обращения в печать.

Что касается „дружеских и идейных“ отношений „Г. Т.“ и „Р. С.“, о которых так болтливо сокрушается г. Восков, то смѣю уверить его, что между ними гораздо меньше общего, чем между г. Восковым и гоголевским Хлестаковым.

А. Роде-Червинский.

НЕДОМЫСЛІЕ ИЛИ НАГЛОСТЬ?

22 февраля, ликвидационное собрание членов б. Союза р. р. в Нью-Йорк рѣшило передать деньги, принадлежавшие союзу, в фонд на издание революционной литературы при „Голосѣ Труда“.

26 февраля, уполномоченные товарищи от „Г. Т.“ предъявили б. казначею союза г. Окунцову, у которого хранятся деньги, выданное им полномочие и протокол собрания членов союза за всеми подписями и печатью и потребовали выдачи денег. Но велико было их удивление, когда г. Окунцов заявил им, что денег не выдаст, так как считает состоявшееся собрание, из 11 человек, не правомочным распоряжаться деньгами б. союза и мог бы признать его таковым только в том случае, если бы деньги были распределены между всеми союзами р. р. в Америкѣ, что воплотилось бы справедливости и его желанию и требованию, выраженному им в одном из номеров „Р. С.“.

Наши товарищи напомнили г. Окунцову, что его желание противорѣчит здравому смыслу и общему понятию о том, что имуществом организаций могут распоряжаться, по своему усмотрению, только лица, составлявшие организацию, но отнюдь не посторонние, каким для б. союза является г. Окунцов, давно вышедший из союза и только по недоразумению остававшийся казначеем, но г. Окунцов остался непреклонным и денег не выдал.

Мы надѣемся, что все организации и товарищи оценят по достоинству больше, чѣм дикую претензію г. Окунцова наложить свое запрещение на рѣшение цѣлаго собрания и укажут ему, что диктаторским поношением господ Окунцовых не мѣсто в рабочей средѣ. Редакция.

ЛОС-АНЖЕЛОС, КАЛ.

26 января 1913 года, на информационном массовом митингѣ, организованном „Русск. Социалистическим Обществом в Лос-Анжелосѣ“, по поводу событий 9-го января 1905 года в Петербургѣ, — послѣ заслушанія доклада о послѣдних звѣрствах над политическими заключенными в забайкальских каторжных тюрьмах, — была вынесена слѣдующая резолюція:

„Массовый митинг, — протестуя вообще против насилій царскаго правительства над русским народом, — выражает свое глубокое возмущение против тѣх звѣрств, которыя практикуются царскими приспешниками над политическими плѣнными в каторжных тюрьмах.“

Принимая эту резолюцію, митинг постановил опубликовать ее во всех русских революционных органах Европы и Америки, в русско-американской прогрессивной прессѣ (за исключеніем „Р. Слова“ Окунцова), в еврейских и финских революционных и прогрессивных органах Америки, а также в американских газетах“.

Примѣчаніе Редакции. Бумажная резолюція безсильна. Нужны больше дѣйствительныя средства. Одним из них будет организация обществ защиты политических заключенных, по образцу, созданному политическими каторжанами и ссыльными в Парижѣ.

Протестуя против приглашенія г. Окунцова на лекцію 23-го февраля, 13 членов Бронзвильскаго Прогрессивнаго Кружка прислали заявление в редакцію „Голоса Труда“ о своем выходѣ из вышеуказанной организации. Заявление подписано слѣдующими лицами: Т. Порохов, Л. Певзнер, Б. Зима, Я. Нахбар, С. Курецкая, А. Ашера, Р. Гитлин, П. Гофман, А. Сильвер, Фридман, Н. Калаганов, Шаріон Шатиллов, Е. Калаганова.

ПОСТУПЛЕНІЯ:

В пользу „Голоса Труда“: от Крейцвальда и Лобача по 15 с., Броуде 25 с., Сенько 50 с., через тов. Броуде по подписному листу №2 Р. С., Э. К. и Б. Лунса по 50 с., Н. Кручина, П. Ткаченко и Баума по 25 с., Нв. Малишевскаго, К. Чернявскаго, Петра Клима, М. Горейко и Н. Янков-

скаго по 2 дол., остатка от литературы из Порт-Гурона 8 с.

В фонд на издание литературы: от Сеаттлскаго союза р. р. 12 дол. и Линской Пр. Р. Гр. 3.90.

В пользу Анархическаго Кр. Креста: собранные тов. Сенько по подписному листу: от Трушковскаго и А. Войнара по 5 с., Ф. Малишевска, П. Моравскаго, А. Шмита, Кар. Шмита, Векера, В. Станаливска, А. Следзинской, М. Филиппе, Дж. Костюка, В. Каспрженскаго, А. Тричко, Гульки, С. Вильчека, Бр. Тиль и В. Новака по 10 с., Николая 15 с., С. Стензеля, Б. Малишевскаго и Сенько по 25 с.

В пользу бастующих рабочих по дереву: от Вишневекаго 1 дол.

Отчет по вечеринкѣ Союза Р. Р. в Ванкуверѣ, устроенной в пользу „Г. Т.“, 15 февраля 1913 г.

ПРИХОД: от продажи билетов 40.75, от буфета 35.90. Итого — \$76.65. РАСХОД: на музыку 10 д., на гол 15 дол., на обстановку сцены 4 д. 90 с., на гримировку 2.50 с., на буфет 24.70 с. Итого — \$57.10. Чистаго дохода \$19.55. Казначей Н. Роман. Секретарь В. Окунев.

Отчет Союза Р. Р. в Элизабетпортѣ, Н. Дж., за 2-ое полугодіе 1912 года.

ПРИХОД:	
Вступительных взносов от 11 членов	2.75
Уплата долга	8.00
Членских недѣльных взносов	39.05
Приход по балу	4.79
От подписки на газ. „Р. С.“	7.00
Собрано по подписному листу в пользу Г. Т.	2.35
Переведено с прошлаго года	84.91
От продажи „Г. Т.“	.60
Итого	\$149.45

РАСХОД:	
Отослано за подп. газ. „Р. С.“	5.00
„Г. Т.“ по подп. листу	2.35
За „Г. Т.“ и 2 номера „Молота“	1.36
Выдано большому товарищу	5.00
Почтовые расходы	.25
Итого	\$13.96
Остается в кассѣ Союза на первое полугодіе 1913 года \$135.49, из которых в банкѣ 90.24, акція В. Е. А. 5.00 и на руках у фин. секретаря 40.25 с.	
Фин. секр. В. Шанс.	

КАССОВЫЙ ОТЧЕТ
РУССКОЙ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ В НЬЮ-ИОРКѢ
за время с 21 января по 21 февраля 1913 года.

ПРИХОД:	
Оставалось к 21 января	535.30
Поступило:	
Членских взносов	13.00
От продажи „Г. Т.“ и подписки	35.88
За литературу	43.52
„ портреты	1.00
В фонд на изд. литературы	15.90
„ пользу Анархическаго Кр. Кр.	13.25
„ пользу баст. раб. по обраб. дерева	1.00
Вспомоществованій „Г. Т.“:	
От Сеаттлскаго Группы Сдѣлствія	8.15
„ Интебургскаго Союза Р. Р.	1.40
„ разных лиц	13.38
Итого в приходѣ с остатком	\$681.78

РАСХОД:	
На набор, бумагу и печатаніе №24 „Г. Т.“	62.20
„ почтовые расходы	15.60
„ канцелярскіе расходы	.48
На литературу	5.59
„ наем квартиры	8.00
Передано баст. раб. по обраб. дерева	1.00
„ Общ. Пом. Закл. (б. К. К.)	8.67
„ Об. Пом. Сс.-Пос. в Сибири	8.67
„ Анарх. Красному Кресту	23.89
На литературнаго фонда на пересылку	4.41
Итого в расходѣ	\$138.51

К 21 февраля состоит в наличности \$543.27

В суммѣ остатка заключается 229.42 с. литературнаго фонда.

КАССОВЫЙ ОТЧЕТ РУССКОЙ РАБОЧЕЙ
ГРУППЫ В НЬЮ-ИОРКѢ

за время с 21. февр 1912 г. по 21 февр. 1913 г.

ПРИХОД:

Оставалось к 21 февраля 1912 г.	146.70
Вступительных и членских взносов	145.20
От продажи „Г. Т.“ и подписки	396.90
Доход от предпріятій	714.17
На издание литературы (из них \$90.00 взятых у товарищей заимообразно)	328.83
Выручено от продажи литературы	528.40
Выручено от продажи портретов	40.30
За объявленія	22.30
Сбор на митингах и лекціях	1.79
В пользу бастующих в Лауренсѣ	33.45
В пользу бастующих в Лиге Фоллеѣ	29.20
В пользу бастующих рабочих по дереву	1.00
В пользу ссыльных и заключенных	27.98
В пользу газеты „Арбайтер Фрайнд“	3.00
В фонд защиты Эттора и Джованнини	34.21
В фонд защиты Эммерсона	7.00
Группѣ „Хлѣб и Воля“	11.00
В Анарх. Красный Крест	42.15
На мексиканскую революцію	2.10

Вспомоществованій „Г. Т.“

От Групп. Ссд. „Г. Т.“ и С. Р. Р. Сеатла	62.72
От Групп. Ссд. „Г. Т.“ в Бронзвильѣ	17.10
От Групп. Ссд. „Г. Т.“ и С. Р. Р. Ванкувера	12.35
От Групп. Ссд. „Г. Т.“ в С.-Франциско	4.00
От Групп. Ссд. „Г. Т.“ в Балтиморѣ	7.85
От Союза Русских Рабочих в Викторіи	16.10
От Союза Русских Рабочих в Интебургѣ	1.40
От Союза Русских Рабочих в Элизабетпортѣ	2.35
От Н. Р. М. в С.-Франциско	3.00
От Н. Р. М. (отд. 383)	2.50
От Группы Клокмейкеров ссд. „Г. Т.“	9.50
От Бронкскаго Группы Рабочих	1.75
От Порт-Гуронскаго Группы Рабочих	2.00
От Н. Р. М. (отд. 179)	2.20
От Бронзвильскаго Прогрессивнаго Кружка	5.00
От Т-на „Кіев“	5.00
От Союза по изг. дѣтек. платья (отд. 175).	2.00
От группы по распространенію литературы	.95
От разных лиц	84.07

Итого

\$2.757.52

РАСХОД:

Набор, бумага и печатаніе „Г. Т.“	712.55
Почтовые расходы	142.22
Канцелярскія принадлежности	16.54
На наем квартиры	96.75
На наем почтоваго ящика	16.00
Типографскія принадлежности	3.00
За объявленія	5.20
На устроѣнство предпріятій	509.91
За литературу	264.12
Нарасходовано из литературн. фонда	4.41
Возвращен тов. заем на изд. литературы	85.00
На издание брошюр	129.40
На изд. портретов Чикагских Анархистов	25.00
За помѣщеніе для митингов и лекцій	12.41
Передано в Анарх. Красный Крест	53.44
Передано Об. Пом. Пол. Закл. (б. К. К.)	8.67
Передано Об. Пом. Сс.-Пос. в Сибири	8.67
Передано бастующим раб. по обраб. дерева	1.00
Передано бастующим в Лауренсѣ	33.45
Передано бастующим в Лиге Фолле	29.20
Передано в фонд защ. Эттора и Джованнини	34.21
Передано в фонд защиты Эммерсона	7.00
Передано группѣ „Х. и В.“	11.00
Передано в „Арбайтер Фрайнд“	3.00
Передано на мексиканскую революцію	2.10

Итого

\$2.214.25

Осталось к 21 февраля 1913 г.

543.27

Секретарь А. Роде-Червинскій.

По непосредственным сообщениям и данным, полученным из Сеаттлского С. Р. Р., следующие организации объединились между собою:

Union of Russian Workers,
171—11th Ave., Seattle, Wash.
Russian Progressive Circle,
189 Central Ave., Rochester, N. Y.
Russian Progressive Group,
117 Blossom St., Lynn, Mass.
Union of Russian Workers,
729 Heatley Ave., Vancouver, B. C., Canada
Union of Russian Workers,
1224 Colwell St., Pittsburgh, Pa.
Russian Progressive Organization,
52 Temple St., Hartford, Conn.
Russian Progressive Circle,
531 Central Ave., Kansas City, Kan.
Local 383, I. W. W.,
209 Hennepin Ave., Minneapolis, Minn.
Union of Russian Workers,
3130 Douglas St., Victoria, B. C., Canada
Russian Progressive Group,
2402 Gratiot Ave., Port Huron, Mich.
Russian Progressive Organization, (Землячество)
P. Pedy, Sec'y, 727 N. 5th St., Philadelphia, Pa.
Russian Progressive Circle,
296 Sackman St., Brooklyn, N. Y.
Russian Labor Group,
S. Michailovsky, Sec'y, 704 So. Hermitage Ave.,
Chicago, Ill.
Russian Labor Group
J. Kalenuk, Sec'y, 183 Second St.,
Chelsea, Mass.

**РУССКАЯ ЮНИОНСКАЯ
ТИПОГРАФИЯ**
LIFSHITZ PRINTING CO.
217 E. BROADWAY, NEW YORK
Разного рода заказы на печать и выкачку
—РУССКИЙ НОТАРИУС—

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ПРОГРЕСС- ГАЗЕТУ
«ВЕЛИКИЙ ОКЕАН»
под редакцией А. П. Щербана

Условия подписки:
В Соед. Штатах и Мексике на год \$2.00, 6 м. \$1 д.
За границу и в Канаду на год \$2.50 на 6 м. 1.30
Всю корреспонденцию и подписку на газету слѣ-
дует направлять по слѣдующему адресу:
703 Leavenworth St., San Francisco, Cal.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН М. Н. МАЙЗЕЛЯ
424 Grand st. New York, N. Y.
ТОЛЬКО ЧТО ПРИБЫЛИ НОВЫЯ

КНИГИ

Л. Андреев, Екатерина Ивановна 45 с.
„ Профессор Сторицын (драма) 45 с.
Максим Горький, Сказки 50 с.
Имеется большой выбор открыток и письменных
принадлежностей. Прием заказов на каучуковые
штемпеля
Общій каталог и каталог универсальной библио-
теки высылаются бесплатно.
Всѣ заказы направляйте по адресу:
MAX N. MAISEL
424 Grand Street New York

ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ „ГОЛОСА ТРУДА“ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩУЮ ЛИТЕРАТУРУ:

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Как и из чего развился революционный
синдикализм, Ортегана 28 с.
Очерки по истории рабочего движения
в Испании, З. Нахт 12 „
О рабочих союзах, Ортегана 12 „
Революционный синдикализм, Г. Лягар-
дель 30 „
Парижская Коммуна, П. Кропоткин 8 „
Нравственные начала анархизма (его-же) 14 „
Государство—его роль в истории (его-же) 17 „
Современная наука и анархизм (его-же) 17 „
Хлѣб и Воля (295 стр.) (его-же) 55 „
Анархія, ея философія, ея идеал (его-же) 13 „
Парижская Коммуна, Гершунг 6 „
Доклады 1900 г. Анарх. Международ-
ному Конгрессу 28 „
Анархія, П. Кропоткина 8 „
Борьба с капиталом и властью, М. Корн 6 „
Доктрины марксизма, М. Черкезова 17 „
Революционный синдикализм и анархизм,
Издани 11 „
Земельная программа Анархистов-Коммунистов
А. Кочегаров 7 „
Об интеллигенции, К. Ортегана 6 „
Исторія коммуны 1871 г., Лиссагаро 65 „
Русская революція и анархизм 14 „
Исторія революціоннаго движения, Тун 85 „
Анархизм, П. Эльдбахера 1.25 „
Будущее общество, Ж. Грав 65 „
Липочка Поповна. (Разсказ) 20 „
Из недавняго прошлаго, Г. Гершунг 50 „
Разрушенный мол, (его-же) 30 „
В Америкѣ, М. Горький 45 „
9-ое января. (его-же) 18 „
Тюрьма. (его-же) 45 „
Земля и Воля 70 „
Бытосное общество, В. Кривонозко 45 „
Вѣсти изъ жизни, П. Мещеряков 45 „
Изъ дневника максималиста, Гр. Нестроев 55 „
Новое Евангеліе 8 „
Письмо старого рабочего 6 „
За мир и др. 6 „
Через колесуху на волю, А. Градов 8 „
О Николаѣ Павловичѣ, Л. Толстой 6 „
Гусли (Сборник народн. пѣсен.) 20 „
Подвиги царизма в Баку, В. Араратскій 17 „
Не в моготу (Разсказ), С. Обухов 20 „
Солдатскіе досуги 8 „
Как попы поработили народ учением Христа 5 „
Солдатская памятка 5 „
Солдатскій подвиг 6 „
Хитрая механика 6 „
Разсказы из русской истории, Шинко 40 „
2 части, по 20 с.
К молодому поколѣнію, П. Кропоткин 5 „

ЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Анархизм-Коммунизм, I. Моста 8 „
Философія Анархизма, П. Кропоткина 17 „
Парламент, политика и социалистическое
движение, Е. Малатеста 8 „

БРУКЛИН. БРУКЛИН.

В субботу 22-го марта, 1913 г.

Русскій Рабочій Кружок в Бруклинѣ
устраивает

В NEW TEUTONIAN HALL

Harrison Ave. & Bartlett st.

Литературный

ВЕЧЕРЪ

ПАМЯТИ Т. ШЕВЧЕНКА

Рефераты о Шевченко прочтут: на украинском
языкѣ ХОНДОГА и на русском языкѣ ШАТОВ
Декламация. Музыка. Пѣніе.

ЦѢНА БИЛЕТА 10 С. НАЧ. В 8 Ч. ВЕЧ.

Анархизм, Эльцбахер 1.00 „
Природа и человек, Э. Реклю 12 „
В кофейнѣ, Е. Малатеста 8 „
Идеал и юность, Э. Реклю 6 „
Наша программа, Е. Малатеста 6 „
Возникновение и развитие религии,
Л. Бюхнер 6 „
Анархизм, Е. Малатеста 10 „

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Анархія, Е. Малатеста 8 „
Чего хотят анархисты, Г. Тонар 6 „
Что св. отец говорит о рабочем вопросе
П. Робак 12 „
Обращение к юношеству, П. Кропоткин 6 „
Портреты Чикагских анархистов 15 „
Портреты Л. Н. Толстого, по 30 „

Открытыя письма с портретами революционеров,
писателей и др.: Бакунина, Кропоткина, Гершунг,
Бebelъ, Кошут, Лавров, Лассаль, Либкнехт, Л.
Мишель, Маркс, Реклю, Ферер, Чайковский, Чер-
нышевскій, Энгельс, Андреев, Горькій, Спенсер,
Ницше, Гауптман, Гейне, Гордиин, Золя, Михай-
ловскій, Надсон, Пушкин, Толстой, Тургенев, Че-
ховъ, Фруг, Шиллер, Шевченко, Шекспир, Бетхо-
вен, Вагнер, Рубинштейн, Дарвин и др.

10 штук с пересылкой 25 с.

Цѣны на всѣ вышеозначенныя книги указаны,
включая и расходы по пересылкѣ.

Всѣ заказы на книги адресуйте по слѣдующему
адресу:

Golos Truda

P. O. BOX 4 STA. „U“, NEW YORK, CITY

Отчет потерей, устроенной групп. „Анархія“ в Де-
троитѣ, Мич.

Получено отъ группы 145 коп. на 14.10 с.
РАСХОДЪ: карманы 7 коп. 1.50 с. Итого
\$7.00. Чистой прибылью \$7.50, из которых 2 дол.
числится за г. Бродским, который не считает нуж-
ным возмездить эти деньги.

Выиграли: портрет Эдмунда № 160, порт-
рет Толстого № 75 и портрет Кропоткина № 78.
С. Лантер.

БРОНЗВИЛЬ. БРОНЗВИЛЬ.

В субботу 29-го марта, 1913 г.

ГРУППА СОДѢЙСТВИЯ „Г. Т.“ В БРОНЗВИЛЬ
устраивает

CONCERT

В WASHINGTON HALL

93 Thatford Ave.

Brooklyn, N. Y.

КОНЦЕРТЪ И БАЛЪ

BALL!!

Цѣна билета 15 с. Нач. в 8 ч. веч. Гет-чек 10 с.

БРОНЗВИЛЬ. БРОНЗВИЛЬ.